

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы

Халиуллин Карим Ришатович

КОМПЛЕКС МОТИВОВ ГУСАРСКОЙ ЛИРИКИ И ЕГО
ТРАНСФОРМАЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра филологии

Научный руководитель: к.ф.н., доц. Григорьева Елена Николаевна

Рецензент: д.ф.н., проф. Виролайнен Мария Наумовна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение	3
Глава I. Буяны, кутилы, повесы первой половины XIX века и гусарство	7
Глава II. Комплекс мотивов гусарской песни Д.В. Давыдова	20
1. «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова»	20
2. Лирика Дениса Давыдова и ее главный герой	23
3. Система мотивов гусарской песни	24
А. Лирика Дениса Давыдова и дружеское послание 1810-х годов	24
Б. Комплекс мотивов гусарской лирики	31
Глава 3. Трансформация комплекса мотивов гусарской лирики в литературе первой половины XIX века	45
1. Мотивы гусарской лирики в поэзии первой половины XIX века	45
2.«Гусарство» в прозе первой половины XIX века	59
А. Мотивы гусарской песни в прозе А.А. Бестужева (Марлинского)	59
Б. Мотивы гусарской лирики в прозе В.И. Карлгофа	68
В. Мотивы гусарской лирики в «Евгении Онегине» и прозе А.С. Пушкина	74
Г. Буянство и гусарство в «Семействе Холмских» Д.Н. Бегичева	89
Заключение	95
Список использованной литературы	101

В первой трети XIX века Денис Давыдов вводит в «высокую» поэзию «гусарщину» – особую литературную манеру, построенную на приеме контраста, пронизывающего различные уровни стихотворного текста: от фонетического до лексического и синтаксического. В стихотворениях «гусарской» стилистики присутствует ряд устойчивых мотивов, концентрирующихся вокруг фигуры лирического героя-гусара. Тексты, в которых представлено данное стилистико-мотивное единство, мы называем *гусарской лирикой*.

Стилистика и тематика лирики Давыдова достаточно исследованы в отечественной науке. Изучение литературного наследия автора началось уже во второй половине XIX века. В 1893 году было издано собрание сочинений Давыдова в трех томах, являющееся до сих пор самым полным изданием творчества писателя. В предисловии, выполненном А.О. Круглым, приводится краткая биография Д. Давыдова и предпринимается попытка анализа как прозаических, так и поэтических произведений автора.¹ Проблема изучения поэтики Давыдова в это же время поднимается А.А. Осиповым в статье «Денис Васильевич Давыдов. 1784—1839 гг. (Опыт литературной характеристики)».² Биография Давыдова продолжала интересовать ученых и в начале XX века.³ Однако первым серьезным научным исследованием творчества поэта стала статья Б.М. Эйхенбаума «От военной оды к «гусарской песне» (1933), в которой автор показывает, как Давыдов разрушает стилистический канон военной оды XVIII века, принципиально меняя способ изображения батального и привнося в поэзию описание военного быта.⁴ Во второй половине XX века интерес к творчеству

¹ Давыдов Д. В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова: В 3 т. Т. 1. СПб., 1893. С. 5-17.

² Осипов А. А. Денис Васильевич Давыдов. 1784—1839 гг. (Опыт литературной характеристики) // Исторический вестник. 1890. Т. 41. № 7. С. 71-93.

³ Жерве В. В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. очерк его жизни и деятельности, 1784-1839 по материалам семейного архива и другим источникам. СПб., 1913.

⁴ Эйхенбаум Б.М. От военной оды к «гусарской песне» // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., 1969. С. 7-46.

Давыдова резко возрос. В.Н.Орлов⁵, Г.А. Гуковский⁶, М.Н. Гиллельсон⁷, В.Э. Вацуро⁸, И.М. Семенко⁹ и другие исследователи¹⁰ изучали различные аспекты поэтического творчества Давыдова.

Отметим, однако, что до сих пор в науке не произведен мотивный анализ гусарской лирики Давыдова, не выделен комплекс мотивов, составляющих гусарскую *тему*. Кроме того, не изучено влияние мотивики гусарской лирики на поэзию и прозу первой половины XIX века.

Начало изучения мотива в отечественном литературоведении связано с именем А.Н. Веселовского. Под мотивом исследователь понимал «формулу, образно отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки: солнце кто-то

⁵ Орлов В.Н. Денис Давыдов // История русской литературы: В 10 т. Т.6. М; Л., 1953.

⁶ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 140-167.

⁷ Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 38-50.

⁸ Вацуро В.Э. Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С. 7-41.

⁹ Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 95-120.

¹⁰ См.: Лотман Ю.М. Поэзия 1790-х – 1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С. 5-62.

Ахмедьяров К.К. Язык и стиль произведений Дениса Давыдова (стилистика писателя): Автореф. дисс.на соиск. ученой степ. к.ф.н. Алма-Ата, 1979. Рассадин С. Б. Партизан (Поэзия Дениса Давыдова) // Вопр. лит. 1981. № 6. С. 111–147. Сердюкова О.И. Творческий путь Д.В. Давыдова – лирика: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1983. Ильин-Томич А. А. Поэзия жизни и жизнь поэзии // Давыдов Д.

Избранное. М., 1984. С. 7-25. Скибин С.М. Художественное своеобразие «гусарской поэзии» / конец XVIII-начало XIX вв. / М., 1994. Скибин С.М. Поэты-преображенцы и Денис Давыдов (Жанрово-стилевое своеобразие «гусарской» поэзии): Автореф. дисс.на соиск. ученой степ. д.ф.н. М., 1995. Михайлов О.Н. «Бивачных повестей рассказ» // Давыдов Д.В. «Я не поэт, я – партизан, казак...»: Сочинения в стихах и прозе. М., 2012. С. 5-15.

Кроме того, об исторических мифах, образовавшихся вокруг Д.Давыдова, недавно опубликована небесспорная статья Е.В. Сигаловой – Сигалова Е.В. Мифы и реальность. Пространство и время. Вып. 4. М., 2012. С. 202-210.

похищает (затмение), молнию-огонь сносит с неба птица»¹¹. Впоследствии мотив в прозе изучали В.Б. Шкловский¹² и Б.В. Томашевский¹³.

Определение мотива, которое позволяет вычленять этот элемент текста в лирике, впервые было представлено в «Лермонтовской энциклопедии»: «Мотив – устойчивый смысловой элемент литературного текста, повторяющийся в пределах ряда фольклорных (где мотив означает минимальную единицу сюжетосложения) и литературно-художественных произведений»¹⁴.

Исследование мотива в поэтических текстах продолжают Б.М. Гаспаров и И.А. Паперно. В статье «К описанию мотивной структуры лирики Пушкина», под мотивом понимается элемент текста, обладающий следующими характеристиками: повторяемостью, способностью накопления смысла, возможностью являться в тексте своими устойчивыми атрибутами.¹⁵

В рамках нашей работы мы будем следовать данному пониманию мотива.

Целью предпринимаемого исследования является вычленение устойчивого комплекса мотивов гусарской лирики и описание его трансформации в русской литературе первой половины XIX века. В процессе рецепции лирических мотивов проза совмещает характеристики героя-гусара стихотворений Давыдова с чертами реальных исторических повес первой трети XIX века: Ф.И. ТолстогоАмериканца, М.С. Лунина, И.П. Липранди, А.И. Якубовича, Ф.А. Уварова (Черного) и др. В связи с этим в рамках

¹¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С.494.

¹² «Сказка, новелла, роман – комбинация мотивов; песня – комбинация стилистических мотивов; поэтому сюжет и сюжетность являются такой же формой, как и рифма» - Шкловский Б.В. О теории прозы. М., 1929. С. 157.

¹³ «Путем <...> разложения произведения на тематические части мы, наконец, доходим до частей неразлагаемых, до самых мелких дроблений тематического материала, «Наступил вечер», «Раскольников убил старуху», «Герой умер», «Получено письмо» и т.п.» - Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1931. С. 137.

¹⁴ Щемелева Л.М. вступление к статье «Мотивы» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1999. С. 290.

¹⁵ Гаспаров Б., Паперно И. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // *Ruzsian Romanticism: Studies in the Poetic Codes/ Stockholm. 1979. P.9-44.*

представленной работы необходимо привлечь материал биографий этих личностей.

Достижение данной цели предполагает решение следующих *задач*:

1. Изучение биографий легендарных буюнов первой трети XIX столетия;
2. Описание комплекса мотивов гусарской лирики;
3. Изучение его трансформации в лирике и в прозе первой половины XIX века.

Поставленные задачи обуславливают структуру настоящей магистерской диссертации: введение; три главы, посвященные соответственно исследованию биографий буюнов, выделению комплекса мотивов гусарской лирики; его трансформации в поэзии и прозе первой половины XIX века; заключение.

Теоритической основой диссертационного исследования являются следующие литературоведческие и культурологические методологии: мотивный анализ, сравнительно-типологический, сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы.

Глава I. Буяны, кутилы, повесы первой половины XIX века и гусарство

Конец XVIII – первая половина XIX столетия – золотой век отечественной дворянской культуры. Именно в это время русское оружие гремит по всей Европе, широкие людские массы впервые оказываются в просвещенных странах запада, а культура достигает небывалых высот – это истинный «век богатырей», по выражению Д.В. Давыдова. Конец XVIII века – эпоха, в которой люди начинают обладать «устремленностью к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению».¹⁶ При всех отличиях начала XIX века от последней трети XVIII¹⁷ желание первенствовать и выделяться в «регулярном государстве» не исчезает, но обогащается и отягощается романтизмом. Отныне человеку уже недостаточно быть частью какой-либо общности (кружка, полка, собрания), он жаждет обособиться от нее; «строгая нормированность, проникавшая и в частную жизнь человека империи, создавала психологическую потребность взрывов непредсказуемости»¹⁸.

Вследствие этого неудивительно, что явлениями культурно-социальной жизни, прочно связанными с данным этапом русской истории, оказываются декабризм (как особая манера держать себя), дендизм, разгульное поведение (включающее в себя бретерство, картежничество, наглость во взаимоотношениях с начальством и др.) и русское гусарство. Обычно первые два из перечисленных явлений рассматриваются по отдельности, тогда как разгульное поведение сближается с гусарством: именно гусар становится носителем данного стереотипа поведения. Синтез двух близких, но нетождественных явлений настолько укоренился в культурном сознании, что это выражается не только в литературных, но и в научных текстах. Так, например, в современном труде А.В. Вострикова о русской дуэли¹⁹ в

¹⁶Лотман Ю.М. Век богатырей // Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2015. С. 377.

¹⁷ См.: Лотман Ю.М. Люди 1812 года // Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 470-495.

¹⁸ Лотман Ю.М. Карточная игра // Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 208.

¹⁹ Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 2014. 352 с.

пассажах, посвященных бретерству, несколько раз дополнительно, как бы довеском, упоминаются гусары. Особо интересно следующее:

«В каждом полку и в каждом уезде был свой Зарецкий, свой отставной или прикомандированный гусар, свой «ера, забияка» (выражение Д. Давыдова), который, конечно же, в свое время «перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым» («Выстрел» А.С. Пушкина), который кого-то «из окошка за ноги спустил», «кого-то обыграл на триста тысяч» - «картежник, дуэлист, соблазнитель, но гусар-душа, уж истинно душа»...»²⁰.

Не вступая в полемику с исследователем, отметим, что в данном отрывке представлено макароническое соединение различных литературных произведений («Евгений Онегин», лирика Давыдова, «Два гусара» Толстого), цитаты из которых должны подтверждать основной тезис о присутствии гусара, хранителя дуэльного кодекса, в каждом уезде Российской Империи. Понятно, что подобный «знающий»²¹ человек часто не был непременно гусаром – он мог быть любым военным в отставке. Отметим, между прочим, что А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» не уточняет вида войск кавалериста Зарецкого.

Подобное представление о гусаре встречаем и в работах классиков литературоведения. Так, Ю.М. Лотман, описывая нелегкую судьбу коллежского регистратора, упоминает гусара в таком контексте:

«Но часто бывало и по-другому: проезжему генералу отдали всех лошадей — остальные сидят и ждут... А лихой гусарский поручик, приехавший на станцию пьяным, мог побить беззащитного станционного смотрителя и силой забрать лошадей больше, чем ему было положено»²².

Несомненно, не только (и, возможно, даже не столько) гусары были «ёрами» и «забияками». В связи с этим важно понять, по какой причине произошел синекдотический перенос, при котором именно гусар стал носителем подобного типа поведения. Немного нарушая логику научного

²⁰ Там же. С. 260 – 261.

²¹ Пользуемся данным фольклорным определением неслучайно: дуэльный кодекс в России хранился именно в виде предания, не будучи письменно оформленным, - до самого конца XIX века дуэли были запрещены.

²² Лотман Ю.М. Люди и чины // Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 44-45.

доказательства, скажем, что первостепенную роль здесь сыграла литература, но не поэзия Дениса Давыдова, а проза XIX века.

В данной главе мы рассмотрим образы наиболее легендарных кутил, бретеров, азартных игроков, людей, буянящих и тем самым противопоставляющих себя «регулярному государству»: Ф.И. Толстого-Американца, М.С. Лунина, И.П. Липранди, А.И. Якубовича – и попытаемся доказать следующие тезисы: во-первых, далеко не все известные реальные исторические повесы и дуэлянты были гусарами; во-вторых, при разности судеб и натур данных людей, они имеют общее свойство характера – желание быть первым, преодолеть другого.

Ф.И. Толстой

Толстой-Американец является одной из наиболее сложных и неоднозначных личностей первой половины XIX века. Не имея возможности всестороннее описать характер легендарного дуэлянта, картежника, пьяницы, подлеца, героя шведской кампании и Отечественной войны 1812 года, остановимся на некоторых историях современников-мемуаристов, которые, как кажется, представляют наибольший интерес в рамках данной работы. Отметим, что Толстой служил в преображенском полку, в егерях, в 8-м пешем казачьем полку и других подразделениях, но, что важно, всегда в пехоте.

Ф.В. Булгарин характеризует Толстого следующим образом: «Граф Т. был, как ныне говорят, человек эксцентрический, т. е. имел особый характер, вышедший из обыкновенных светских форм, и во всём любил одни крайности. Всё, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда было в моде и в нравах <...> молодечество — и граф Ф. И. Т. довёл его до отчаянности!»²³ А современный биограф описывает его натуру так: «Сам Толстой с молодых ногтей предпочитал, разумеется, побеждать, достигал этого всеми правдами и неправдами...»²⁴.

Толстой-Американец во время кругосветного путешествия поссорился с И.Ф. Крузенштерном и последовательно призывал команду к бунту против

²³ Цит. по: Филин М.Д. Толстой-Американец. М., 2010. С. 28.

²⁴ Филин М.Д. Указ. соч. С. 29.

него. Командир экспедиции несколько раз пытался примириться с буяном, но тщетно: Толстому хотелось быть первым на этом судне, как в жизни вообще. Крузенштерн пригрозил высадить буяна на необитаемый остров, на что тот ответил: «Вы, кажется, думаете меня запугать! В море ли вы меня бросите, на необитаемый ли остров, мне всё равно; но знайте, что я буду возмущать против вас команду, пока останусь на корабле»²⁵. Как известно, командиру ничего не осталось, как оставить Толстого на Алеутских островах.

Знаками исключительности толстовской судьбы стали его знаменитые татуировки, набитые аборигенами Алеутских островов. Ими граф очень гордился и с удовольствием демонстрировал знакомым: «Надо знать, что в протяжении всей жизни Американца Толстого, где бы он ни обедал, его под конец стола всюду просили показать его татуированное тело, и всюду его разглядывали сперва дамы, а потом мужчины (*которым он мог показать изображения на тех частях тела, на которых дамам не позволяли приличия – К.Х.*) и это ему никогда не надоедало»²⁶. Кроме того, граф был женат на цыганке А.М. Тучаевой – скандальный мезальянс.

Однажды Толстой услышал о тайных свиданиях между офицером Линевым, «22-летним Геркулесом», и молодой замужней дамой и подкараулил влюбленных. «Линев не узнает в темноте Толстого, но бросается в кусты и присаживается на корточках, закрыв лицо руками. Толстой, как бы ничего не замечая, подходит к кусту, и на Линева с безоблачного неба льется целый поток. Испытание ужасное, но решительное. Линев не выдает себя. Толстой догоняет даму и говорит ей, что сейчас, на опыте, убедился в безграничной к ней преданности Линева»²⁷ и обещает молчать о произошедшем. Естественно, не сдерживает слово, и Линев становится объектом для едких насмешек сослуживцев.

Поистине бесчисленны дуэльные и картежные истории с участием Толстого-Американца. Особо замечательна следующая: на одном из вечеров

²⁵ Цит. по: Филин М.Д. Указ. соч. С. 265.

²⁶ Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 177.

²⁷ Сборник биографий кавалергардов. 1762-1801. СПб., 1904. С. 402.

приятель графа (по некоторым источникам, П.А. Нащокин) был вызван на дуэль, а Толстой должен был участвовать в поединке в качестве секунданта. Наутро друг графа будит того и напоминает о дуэли, однако Толстой отвечает, что стреляться уже не нужно. Как оказалось, после вечерней ссоры граф вызвал соперника своего товарища на дуэль: поединок был рано утром, Толстой убил обидчика и лег спать²⁸.

П.А. Вяземский, близкий знакомец Толстого, в послании «Толстому» следующим образом описывает характер графа:

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай!
Которого душа есть пламень,
А ум — холодный эгоист;
Под бурей рока — твердый камень!
В волненьи страсти — легкий лист!

<...>

Обжор властитель, друг и бог!²⁹

М.С. Лунин

В советское время биография Лунина (в отличие от Липранди или Толстого-Американца), как революционера-декабриста, изучалась очень подробно. Особое внимание уделялось жизни Лунина после 1825 года³⁰, однако не оставался без внимания и период с 1803 до суда над восставшими. Стоит ли уточнять, что чаще всего Лунина описывали как героя-мученика, оправдывая и объясняя шалости юности неприятием политической системы

²⁸ См.: Толстой С.Л. Федор Толстой Американец Л., 1990. С.24.
Немного иная версия: Стахович А.А. Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 149–150.
Третья версия: Новосильцева Т. Рассказы // Русская старина 1878. №3. С. 538-540.

²⁹ Вяземский П.А. Полн. Собр. Соч: В 12 т. Т.3. СПб., 1880. С.161-162.

³⁰ См., например: Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962. 283 с.

первой трети XIX века. Образ действий Лунина вряд ли можно объяснить только внешними факторами, он органично выражает характер Лунина, его желание быть иным, не походить ни на кого. Он, действительно, был «другим» – и в армии, и среди декабристов, и в Сибири.

Лунин, начав озорничать в первых годах XIX века, продолжил проказить и во время следствия над декабристами, и, позже, уже в Сибири³¹.

Лунинское поведение уже в самом начале столетия создало ему славу скандалиста. Лунин меняет вывески на магазинах Петербурга, держит на Черной речке медведей и собак, наводя ужас на местных жителей, испытывает храбрость офицеров, вызывая их на дуэли, дерзит Александру I. Офицер быстро снискал славу как заядлого дуэлянта, так и храброго воина: «Лунин в 1805 году был уже офицером. Он был отчаянный бретер, и на каждой дуэли непременно был ранен, так что тело его было похоже на решето; но в сражениях, где он также был невозмутимо храбр и отчаянно отважен, он не получил ни одной раны»³².

Особо примечателен следующий случай. В 1813 году Лунин, служа еще в кавалергардах, вызвал цесаревича Константина Павловича на дуэль³³. Наследник престола сгоряча разругал полковника, ехавшего не по форме в шапке. Тот подал в отставку, потому что нарушил форму одежды по причине болезни и считал себя оскорбленным. После этого «офицеры всего полка признали поступок с полковником оскорбительным для всех и подали Депрерадовичу общую просьбу об отставке».³⁴ Цесаревич, узнав об этом, на дневном смотре извинился перед офицерами, прибавив, что готов дать удовлетворение любому, кто им недоволен. Полковник и офицеры были благодарны Константину Павловичу за честь, оказанную им, и приняли извинения. Однако из рядов вперед вышел Лунин и попросил о личном

³¹ Едва ли не все известные легенды кратко пересказаны во вступительной статье Н.Я. Эйдельмана в книге: Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С.511.

³² Декабристы на поселении. Из архива Якушиных. М., 1926. С. 127-128.

³³ Анализ легенды см: Окунь С.Б. Указ. соч. С. 14-16.

³⁴ Окунь С.Б. Указ. соч. С. 15.

удовлетворении. Великий князь, улыбнувшись, сказал, что офицер еще слишком молод.³⁵ Вызов на дуэль командира классифицировался как бунт, неподчинение служебной иерархии. Вышестоящий офицер имел полное право уведомить об этом армейское руководство (причем его честь от этого не страдала), после чего вызывающего в лучшем случае лишали офицерского звания и отправляли на Кавказ, в худшем же – в Сибирь. Что же тогда говорить о вызове на поединок чести члена царской семьи. Лунин рисковал не просто своим будущим, а жизнью, желая совершить немыслимое, то, на что у иного не хватило бы духа.

В 1820-х годах современники делятся друг с другом «бесчисленными рассказами о лунинских победах над дамами»³⁶, а уже в Сибири декабрист ходит на волков с одним кинжалом. Вплоть до конца 30-х годов Лунин признанный кумир, на него ровняются молодые офицеры.

В отличие от Толстого, Лунин служил в гусарах, но всего лишь несколько лет (с 1822 года и до ареста он был офицером Гродненского гусарского полка, адъютантом великого князя Константина Павловича), до этого же состоял на службе в егерях и в кавалергардах.

И.П. Липранди

В первые годы военной службы Липранди – повеса и буян, бретер и картежник. Довольно скоро молодой человек становится легендой, его имя гремит в офицерских кругах. Исследователь отмечает: «Всеми силами он (*Липранди – К.Х.*) заставлял себя и других верить в свою необыкновенность»³⁷ – необыкновенное происхождение (был потомком мавров), невероятная отвага, необычайная образованность.

Довольно быстро Липранди насыщается славой гуляки и решает обратить все свои силы и устремления на военную карьеру. В течение двух с половиной лет (1812 – 1814 гг.) Липранди проходит путь от поручика до

³⁵ Ульянов И. Заметки // Русский архив. 1868. Стлб. 1034 – 1035.

³⁶ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С.9.

³⁷ Эйдельман Н.Я. «Где и что Липранди?» // Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 15. Далее мы частично пересказываем некоторые положения статьи.

подполковника (офицеру в это время 24 года). Несмотря на последующую опалу³⁸, известное вольнодумство и близость к декабристам, Липранди сумел оправиться в глазах власти и в 1840-х годах был чиновником особых поручений при министре внутренних дел.

Приведем одну из самых известных легенд из «буянской» поры жизни Липранди. в 1809 году в условиях строжайшего запрета на международные дуэли он вызвал на поединок первого шведского дуэлянта барона Блома. Они долго спорили об оружии: Липранди настаивал на пистолетах, Блом же предпочитал драться на шпагах. Не выдержав додуэльной полемики, Липранди «прекращает спор, хватает тяжеленную и неудобную шпагу (лучшей не нашлось), отчаянно кидается на барона, теснит его, получает рану, но обрушивает на голову противника столь мощный удар, что швед валится без памяти, и российское офицерство торжествует»³⁹. Липранди считает себя защитником чести всего русского оружия, за которую стоит сражаться не только на поле брани, но и на поединке. Известно, что Липранди до конца жизни очень гордился этой романтической дуэлью⁴⁰.

А.И. Якубович

«Некто Я<кубович>, из уланов, отъявленный повеса, проказник, не сходящий почти с гаупвахты»⁴¹ был известным буяном первой трети XIX столетия. Якубович был известен в основном дуэлями и дебошами⁴².

Стоит отметить, что большая часть легендарных повес и буянов создавала биографический неписьменный (можно сказать, легендарный) нарратив, вычерчивая не письма, но поступки. Якубович же любил рассказать о своих подвигах. Если за Толстым мемуаристы записывали дела, то за Якубовичем – нередко его слова. В этом ключе интересна следующая история, рассказанная самим Якубовичем.

³⁸ Отметим, что из-за дуэли.

³⁹ Эйдельман Н.Я. «Где и что Липранди?» С. 14.

⁴⁰ Там же. С.15.

⁴¹ Арапов П.Н. Летопись русского театра. СПб., 1861. С.291.

⁴² Истории о нем собраны в: Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 2014. С.119-126.

«Мы с Грибоедовым жестоко поссорились – и я вызвал его на дуэль, которая и состоялась. Но когда Грибоедов, стреляя первый, дал промах – я отложил свой выстрел, сказав, что приду за ним в другое время, когда узнаю, что он будет более дорожить жизнью, нежели теперь <... > и наконец я узнал, что он женился и наслаждался полным счастьем»⁴³. Далее рассказ продолжается, следуя за сюжетом повести Пушкина «Выстрел», а ранение Грибоедова в руку Якубович объясняет как намеренное: «...я раздробил ему два большие пальца на правой руке, зная, что он страстно любил играть в фортепиано и лишение этого будет для него ужасно»⁴⁴. На частичную вымышленность истории указывает и то, что дуэль между Грибоедовым и Якубовичем произошла в 1818 году, а женился Грибоедов только в 1828; и ориентация на повесть Пушкина «Выстрел» 1830го года.

Таким образом, Якубович додумал (намеренно ли?) реальную историю и создал легендарную, драматургическую и романтическую. Буян порождает тексты, творил миф с помощью словесного нарратива.

Итак, несмотря на разность судеб, легендарные повести первой трети XIX века сходны в одном – в буянстве. Как было сказано выше, буяны не просто совершали странные, дикие поступки, но соревновались друг с другом. Каждый желал затмить другого, сотворить еще более замечательную легенду.

Буянский поступок всегда ориентирован на аудиторию. Без зрителя, который впоследствии станет распространять легенду, действие буяна практически обесценивается.

Из своих жизней буяны творят нарратив, который практически сразу становится культурным нарративом – бытует в форме легенд. В этом бытовании нарратив умирает и перерождается – входит в письменность, где происходит затвердевание былой фольклорной подвижности. Однако именно благодаря закреплению легенда остается в культуре.

⁴³ Штукенберг А.И. Из мемуаров // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 365-366.

⁴⁴ Там же.

Ориентация на создание нарратива наиболее явно представлена в якубовической жажде порождения словесных текстов о своих деяниях, однако характерна если не для всех, то для большинства людей «ненормативного поведения».

Буяны из своих жизней творят мифы, сливающиеся в один – миф о буяне, истинном романтическом герое русской истории, противопоставляющем свои поступки обыденности окружающей жизни, выступающем против «регулярности» современного им государства. Буянский миф органично размещается в мифе о Золотом веке русской истории, укоренившемся в коллективном сознании.

Легенды о буянах, с одной стороны, входят в мемуары, с другой – в художественную литературу. Буяны и их поступки слишком яркие, слишком соблазнительны в своей нарративности, чтобы не оказаться в фикциональных текстах. Однако литература первой трети XIX существует по собственным законам, в ней пребывают свои амплуа и лексические обозначения этих амплуа. Герой-буян может войти в литературу, только если использует маску другого героя – персонажа схожего с ним внешне, пускай и отличного внутренне.

В начале XIX века Денис Давыдов создает такого героя – лихого гусара, наличие которого позволяет буяну стать персонажем фикционального текста.

Гусарство

В конце XVIII – начале XIX века гусар в России являлся легковооруженным наездником, отличавшимся от других всадников (кавалергардов, кирасир, уланов и драгунов) способом войскового применения, решаемыми задачами на поле боя, позицией в общевойсковом строю и т.д. К концу XIX века гусар – идеальный представитель золотого века русской культуры, храбрец, герой-любовник, бретер, пьяница, картежник, красавец⁴⁵. Слово «гусар» теперь обозначает не только воинскую принадлежность, а указывает на определенный (стерео) тип поведения героя.

⁴⁵ «Хочешь быть красивым – поступай в гусары» - говорил Козьма Прутков.

Действительно, гусары вряд ли уступали иным военным в разгульности и сварливости⁴⁶, о чем свидетельствуют исторические анекдоты. В частности, один, рассказанный Липранди в «Замечаниях на “Воспоминания” Ф.Ф. Вигеля» о поручике Бертеневе, имевшем дуэль по очереди с тремя французами, посмеявшимися над русской кавалеристской формой. Позже, когда офицер был переведен в гвардейский конно-егерский полк, он едва ли не имел дуэли с полковым командиром⁴⁷. Одним из самых известных гусар-бретеров и заядлых игроков был князь Ф.Ф. Гагарин. Он часто стрелялся на дуэлях, но «не с толстовской жестокостью, а с настоящей «гусарской» (sic!) легкостью и удалью»⁴⁸.

Однако можно найти множество примеров, когда главными героями легенд оказывались не гусары. Важно отметить, что главным шальным полком в России тех лет был не гусарский, а 44-й Нижегородский драгунский (кавказский) полк, в который ссылали офицеров за бретерство и другие дисциплинарные проступки и преступления.

Бесспорно, самым известным гусаром в русской истории является Денис Давыдов. После Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии он стал легендой не только в России – имя Дениса Давыдова, черного капитана, победителя Наполеона, было известно всей Европе. Английский художник Дайтон даже написал портрет Давыдова (не имевший, правда, никакого сходства с оригиналом), подписав его так: «Денис Давыдов. Черный капитан»⁴⁹. Портрет, стоит отметить, принадлежал Вальтеру Скотту, с которым Денис Давыдов вел переписку (правда непродолжительную)⁵⁰. Более того, поэт-гусар даже выслал В.П. Давыдову

⁴⁶ Н.Н. Муравьев так отзывался о характере Лунина: «Лунин умен, но нрава сварливого (bretteur)». См.: Записки Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1885. №10. С.227.

⁴⁷ Липранди И.П. Замечания на «Воспоминания» Ф.Ф. Вигеля. М., 1873. С.83.

⁴⁸ Куликов Н.И. Воспоминания. Цит. по: Востриков А.В. Указ. соч. С. 215.

⁴⁹ Причину, по которой живописец лишил полковника Давыдова нескольких званий, нам установить не удалось. Можно предположить, что столь высокий чин не соответствовал характеру, изображенному на полотне: могучий воин в меховой шкуре, с черной кудрявой бородой, держащий в руке шашку.

⁵⁰ Переписка подробно изучена М.П. Алексеевым. См.: М. П. Алексеев <В. Скотт и Д. Давыдов> // Литературное наследство. Т.91. Русско-английские литературные связи (XVIII -- первая половина XIX века). М., 1982. С.

(своему двоюродному племяннику), гостившему у английского романиста, стихотворение «Полусолдат», специально снабдив его французскими примечаниями. Денис Давыдов просил племянника переложить текст по-английски и в прозе. Однако В.П. Давыдов, не относившийся серьезно к литературным опытам дяди, желания Дениса Давыдова не выполнил.

При всей «легендарности» биографии Давыдова, анекдоты из его жизни отличаются от буянских, приведенных выше. Свободолюбие («сотоварищ урагана»⁵¹ - самоопределение лирического героя Давыдова) гусара выражалось не в сварливом поведении, а в чрезмерной удали и храбрости в сражении, преумножении славы исключительно на поле брани⁵².

В 1806 году гусарский полк Дениса Давыдова не участвовал в сражениях против Наполеона. Молодой офицер решил во что бы то ни стало попасть на фронт. Ночью он прокрался в расположение главнокомандующего русской армией фельдмаршала М.Ф. Каменского и потребовал отправить его на фронт. По легенде, Каменский так испугался, что сошел с ума⁵³.

Во время зарубежного похода русской армии полковник Давыдов со своим летучим отрядом самовольно, без приказа генерала Винцингероде, занял Дрезден. Военачальник был в ярости – отобрал у Давыдова отряд и посадил полковника под временный арест⁵⁴. А в битве под Бриенном в середине января 1814 года под Денисом Давыдовым было убито пять лошадей⁵⁵.

К бретерству Денис Давыдов положительно не относился. Так, о Ф.А. Уварове (Черном) он отзывался следующим образом: «Бедовый он человек с приглашениями своими. Так и слышишь в приглашениях его: “Покорнейше прошу вас пожаловать ко мне пообедать, а не то извольте

⁵¹ Давыдов Д.В. Сочинения. СПб., 1848.С. 29.

⁵² Вероятно, не меньшим храбрецом был Лунин, который, вместо отдыха с другими конными воинами, шел вместе с солдатами стрелять по позициям французов. Однако у Лунина воинское молодчество сочеталось с бретерством и т.д., что абсолютно не интересовало Давыдова.

⁵³ Частично история рассказана самим Давыдовым в: Давыдов Д.В. Встреча с фельдмаршалом гр. Каменским // Давыдов Д.В. Сочинения. СПб., 1848.С. 110-125.

⁵⁴ Серебряков Г.В. Денис Давыдов. М., 1985. С. 265-275.

⁵⁵ Там же. С.279.

драться со мною на шести шагах расстояния”»⁵⁶. Несмотря на широкую известность гусара Давыдова, героя войн и поэта, он ни разу не стрелялся на дуэли, заядлым картежником не был: «гусар гусаров»⁵⁷ не относился к тому культурному типу гусара, который сформировался к середине XIX столетия.

В этой связи неудивительно, что своего поэтического героя Давыдов создает вовсе не таким, каким стал гусар в последующей литературе.

Свою индивидуальность Давыдов выражал в творчестве, создав героя-гусара, вероятно, самого индивидуализированного лирического героя литературы первой половины XIX века⁵⁸. Показательно, что из кавалергардов Денис Давыдов был разжалован не за дуэль, шулерство, пьянство или трусость, а за сатирические басни «Голова и ноги», «Река и зеркало» и «Орлица, Турухтан и Тетерев».

⁵⁶ Вяземский П.А. Полн. Собр. Соч: В 12 т. Т.8. СПб., 1883. С.468-469.

⁵⁷ Так Давыдов обращался к Бурцову, однако, безусловно, он сам достоин такого звания.

⁵⁸ См.: Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 160.

Глава II. Комплекс мотивов гусарской песни Д.В. Давыдова

1. «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова»

Специально для прижизненного сборника Давыдов пишет вступление под заглавием «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова». Нередко это предисловие неосторожно называется исследователями автобиографией Давыдова⁵⁹, однако это не совсем верно. Жизнь, описанная в предисловии, не полностью совпадает с реальной биографией поэта-гусара, а в некоторых местах прямо ей противоречит.

Отметим, что предисловие написано афористичной прозой, которая в тридцатые годы XIX века воспринималась современниками как проза очень высокого уровня. В повествователе «Некоторых черт...» легко угадывается то же литературное сознание, которое присутствует в качестве лирического героя в поэзии Давыдова. В тексте автор с легкостью совмещает «высокое» и «низкое», не умаляя «высокое» и не дискредитируя соседством с «низким», комичным.

Так, в серьезное описание военных действий⁶⁰ Отечественной войны вторгается деталь, заставляющая по-иному взглянуть на события, о которых только что идет шла речь:

«Начинается Отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м батальоном одного до Бородина; подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партией гусар и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в середину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховым, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Бельничями и **продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана**. Под Гродном он нападет на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: Давыдов - **в душе гусар и любитель природного их напитка; за стуком сабель застучали стаканы и - город наш!** (здесь и далее в цитатах выделено мной – К.Х.)»⁶¹

⁵⁹ Например, у И. Рэйфман в: Reyfman I. Poets in the military // How Russia Learned to write (Literature and the Imperial Table of Ranks). P. 118.

⁶⁰ Стоит заметить, что о войне в тексте повествователь почти всегда говорит серьезно.

⁶¹ Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1984. С.127. Далее ссылки на это издание приводятся в основном тексте работы.

Текст изобилует словесной игрой, характерной для лирического героя поэзии Давыдова: «Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, *затянулся, натянулся*, и пустился плясать мазурку до упаду» (126); «В 1819 году он вступает в брак, а в 1821 году *бракует* себя из списков фронтовых генералов, состоящих по кавалерии» (127) и др.

Отменно остроумен нарратор в рассуждении о глагольных рифмах:

«...кои исключены им из списка рифмы на глаголы, ибо, как говорит он, *во многоглаголании несть спасения*» (129).

К герою повествования рассказчик относится иронически. Примечателен первый абзац «Некоторых черт»:

«Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы **обратили на себя внимание земляков своих Бог знает за какие услуги на словесном поприще!**» (125)

Ироничен повествователь к недорослю Давыдову:

«Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека» (125); «В порывах нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья, но не тут-то было!» (там же)

Не менее ироничен и к зрелому человеку:

«Но единственное упражнение: застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до пупа надоедает ему до того, что он решается на распашной образ одежды и жизни и, в начале 1823 года, выходит в отставку». (127-128)

Повествование в тексте ведется от третьего лица, таким образом автор (реальный Денис Давыдов) дистанцируется от героя повествования. Давыдов в предисловии к сборнику – герой во многом вымышленный, что не скрывается в тексте.

Обратим внимание на фрагменты, которые частично или полностью не совпадают с реальной биографией Дениса Давыдова:

«В 1806 году, быв переведен в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург. Вскоре загорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты». (126)

На самом деле Давыдову пришлось выпрашивать отправки на фронт, о чем упоминалось выше.

Героя отправляют на войну в Грузию:

«Государь император удостоивает его избранием в действующие лица и на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова». (128)

В данном случае повествователь явно преувеличивает: Денис Давыдов побывал едва ли не на всей западной и юго-западной границах Империи, но никогда не бывал на восточных.

Все, что говорится о несерьезном отношении героя предисловия к своим поэтическим опытам, не соответствует действительности. Давыдов корпел над своими произведениями, оттачивая стиль и постоянно редактируя написанное⁶².

«При всем том Давыдов не искал авторского имени, и как приобрел оное - сам того не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим»; «Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам; а по чувству; по мнению некоторых - воображением, рассказами и разговорами; по мнению других - по залету и отважности его военных действий. Что касается до упражнения его в стихотворстве, то он часто говаривал нам, что это упражнение или, лучше сказать, порывы оного утешали его, как бутылка шампанского, как наслаждение, без коего он мог обойтись, но которым упиваясь, он упивался уже с полным чувством эгоизма и без желания уделить кому-нибудь хотя бы малейшую каплю своего наслаждения». (129)

Герой повествования не совпадает с реальным Давыдовым и в поведении. Как мы говорили ранее, Денис Давыдов не являлся скандалистом, в бретерстве замечен не был. Давыдов же предисловия:

«В лета щекотливой юности Давыдова малейшее осуждение глянца сапогов, фабры усов, статей коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской шашки». (126)

Итак, бесспорно, что Денис Васильевич Давыдов из «Некоторых черт...» отличается от реального Дениса Давыдова. Эти различия можно объяснить двояко.

⁶² См. об этом в: Вацуро В.Э. Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С. 7-41.

Объяснение первое будет заключаться в том, что автор фальсифицирует свою биографию – именно так думали некоторые современники, например, князь А.И. Щербатов: «Давыдов, когда хорошо его узнать, только хвастун своих пороков»⁶³.

Однако, как представляется, Давыдов в предисловии воссоздает не свою биографию, а, основывая историю на избранных фактах из своей жизни, воплощает в тексте поэтического героя, гусара своей лирики⁶⁴. При таком объяснении все, как кажется, становится на свои места. Текст не назван автобиографией или биографией Дениса Давыдова, потому что ей не является, а название «Некоторые черты из жизни...» оказывается единственным подходящим. Функционирует текст как предисловие к сборнику стихов, которое призвано не столько познакомить читателя с автором, сколько с героем лирики – тем героем, который является единым для всего поэтического творчества поэта, через призму фикциональной индивидуальности которого мы смотрим на всякое давыдовское стихотворение⁶⁵.

На то, что Денис Давыдов создает не равного себе поэтического героя – гуляку и повесу – указывали современники автора. Так, П.А. Вяземский, противопоставляя реального Д.В. Давыдова и его лирического героя, писал: Давыдов «умен <...> был, а пьяным не бывал»⁶⁶.

2. Лирика Дениса Давыдова и ее главный герой

Редкие исследователи, говоря о Давыдове, не останавливались на специфике его лирического героя. Давыдовский герой – герой поэтический, то есть «выходящий за рамки жизненной ординарности»⁶⁷. Такой герой

⁶³ Цит. по: Бондаренко А.Ю. Денис Давыдов. М., 2012. С. 62.

⁶⁴ Исключая, правда, замечания героя о вспыльчивости и бретерстве.

⁶⁵ В том числе на те, в которых этот герой, казалось бы, сменяется на другого. См.: Гуковский Г.А. Указ. соч. С.151.

⁶⁶ Цит. по: Вацуру В.Э. Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С.18.

⁶⁷ Там же. С.10.

требует экспрессивных форм выражения своей индивидуальности. Он противопоставляется нормам бытовой ординарности, а его свободный язык противопоставляется нормам ординарности языковой. «Для Давыдова нет слов «низких» и «высоких», нет стиля неприличного для предмета; для него все слова хороши, если они характеризуют героя – носителя его лирики (субъект ее)...» – пишет Г.А. Гуковский⁶⁸.

Лирический герой-гусар пребывает в гусарском быте, который «полюемически соотнесен с реальным бытом»⁶⁹. Это стилизованный и даже экзотический быт. Обязательными атрибутами этого мира являются: «сабля, водка, конь гусарской», бивуак, усы, неумное веселье – как в гусарском отдохновении, так и в страшном бое. Сражение здесь вписано в быт, а не противопоставляется ему как высокое низкому. Лирический герой Давыдова неотделим от гусарского быта, наделен яркой внешностью, собственной повадкой и индивидуальным языком, почему и предстает, возможно, самым индивидуализированным лирическим героем литературы первой половины XIX века⁷⁰.

Нельзя не отметить и то, что Давыдов «первый, и при этом с резкой отчетливостью, обрисовал внутренние предпосылки, формирующие героический характер»⁷¹. Поэт-гусар описывает война «изнутри», натуру, не окруженную ореолом героичности, но оказывающуюся, несмотря на это, преисполненной отваги, мужества и удали. Если в предшествующей литературе герой описывается с внешней точки зрения, то Давыдов использует точку зрения внутреннюю⁷².

3. Система мотивов гусарской песни

А. Лирика Дениса Давыдова и дружеское послание 1810-х годов

⁶⁸ Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 159.

⁶⁹ Вацуру В.Э. Денис Давыдов – поэт. С.11.

⁷⁰ См.: Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 160.

⁷¹ Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С.99.

⁷² См., например, стихотворение «Песня» (1815).

Основные мотивы гусарской поэзии Дениса Давыдова пересекаются с конститутивными мотивами важного для первой трети XIX века жанра дружеского послания. Ранние «залетные» послания Давыдова 1804 года (два послания Бурцову и «Гусарский пир») подготавливают дружеское послание, а послание влияет на лирику Давыдова 1810-х – 1820-х годов.

В 1812 году К. Н. Батюшков пишет стихотворение «Мои пенаты» с подзаголовком «Послание Жуковскому и Вяземскому». По мнению исследователей, именно в этом произведении окончательно оформляется жанр дружеского послания 1810-х годов.⁷³ Данный жанр характеризуется рядом повторяемых структурных элементов: определенным хронотопом, противопоставлением «малого» и «большого» миров, возможностью совмещения различных стилевых элементов, внедрением бытовых описаний, узнаваемым лирическим героем.

Исследователи отмечали, что при написании «Моих Пенатов» Батюшков опирался на послание Жуковского «К Блудову»⁷⁴. В свою очередь не подлежит сомнению и то, что Жуковский в своем послании частично опирался на предыдущие тексты. Жанр послания 10-х годов XIX века подготавливался более ранними стихотворными посланиями авторов конца XVIII – начала XIX веков: Г.Р. Державиным («Храповицкому» 1793), И.И. Дмитриевым («К друзьям моим по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр^авительствующего сената» 1800) и др. Можно предположить, что одним из них был Д.В. Давыдов.

В 1804 году, за 8 лет до «Моих Пенатов», Денис Давыдов пишет три ранних стихотворения: «Бурцову. Призывание на пунш», «Бурцову» и «Гусарский пир». Первые два имеют в заголовке адресата, и все три построены в форме обращения адресанта к адресату – Бурцову. Важно, что адресатом здесь, как и в дружеском послании, является конкретное историческое лицо – боевой товарищ автора. Само по себе наличие адресата не позволяет атрибутировать эти тексты как послания: внутренняя адресация

⁷³ Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород. 1994. С. 29-30.

⁷⁴ Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 101-104.

признана конструктивным признаком «чистой» лирики как таковой⁷⁵. Однако другие композиционные элементы данных стихотворений Давыдова позволяют соотнести их с «каноническим» посланием Батюшкова. Прежде чем приступить к сравнению посланий Давыдова и Батюшкова необходимо сделать оговорку: в данном параграфе работы мы опираемся на описание жанра дружеского послания, представленное В.А. Грехневым в книге «Мир пушкинской лирики»⁷⁶. Время «залетного»⁷⁷ послания – невекторное время. Несмотря на близость героя к смерти, он, подобно батюшковскому герою, не верит в ее реальность, побеждает ее. Если лирический герой «Моих пенатов» «опережает» смерть, успевает «сорвать цветы под лезвием косы», то давыдовский смеется над ней:

Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я! (58)

Одним из ключевых мотивов посланий Давыдова является мотив пира. Пять «ужасных стаканов пуншевых» и «благодетельный арак» (анисовая водка) – необходимые их атрибуты. Интересно, что пир для лирического героя Давыдова имеет две ипостаси: реальный пир во время вечернего отдохновения с употреблением горячительных напитков и пир сражения:

Саблю вон – и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее... (58)

Как показала М.Н. Виролайнен, в статье «Две чаши (Мотив пира в дружеском послании 1810-х годов)»⁷⁸, ситуация пира является жанрообразующей для дружеского послания. Пир в дружеском послании побеждает смерть, позволяет времени прекратить свой бег и пойти по кругу.

⁷⁵ См. подробнее в: Падучева Е.В. Нарратив и лирика. Аналог слушающего в нарративе // Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 2010. С.209-213.

⁷⁶ Грехнев В.А. Указ соч. С. 27-81.

⁷⁷ Именно так сам Давыдов называл свои послания к Бурцову.

⁷⁸ Виролайнен М.Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 291-312.

Ту же функцию данный мотив (в еще более радикальной форме) выполняет в давыдовской лирике. Эту идею победы над смертью, пронизывающую и ранние послания, Давыдов сформулировал в более позднем стихотворении «Песня» (1815 г):

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить! (76)

Цикличное время и связанный с ним мотив пира создают мир утопии, в котором человек не подчинен законам «физической» реальности. Подобный утопизм мировосприятия характерен как для лирического героя дружеских посланий Батюшкова, так и для посланий Давыдова.

«Малым миром» «залетного» послания обычно оказывается палатка в бивуаке или «домишко». Сходство с «хижиной убогой» Батюшкова очевидно:

Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он - гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменяются
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса. (58)

Предметам роскоши «большого мира» герой Давыдова противопоставляет предметы гусарского быта. Быт здесь, подобно быту в дружеском послании, условен, но имеет реальные прототипы. Проза жизни соседствует с поэзией и романтикой боя. Таким образом, она идеализируется, наполняется «высоким» содержанием, поэтизируется. Поэтизация прозы жизни и внедрение в поле «высокой», устремленной к идеалу поэзии быта –

важные особенности и дружеского послания. Вследствие этого, в дружеском послании 1810-х годов используются элементы различных стилей. То же видим у Давыдова: «Ради бога и...арака», «В благодетельном араке» или даже:

Пусть мой ус, краса природы,
Чёрно-бурый в завитках,
Иссечётся в юны годы
И исчезнет яко прах! (58)

Использование «низкого стиля» позволяет авторам дружеских посланий быть фамильярными по отношению к адресату. Фамильярность – одна из характерных черт данного жанра. Однако фамильярность дружеских посланий Батюшкова, Жуковского и Вяземского меркнет в сравнении с давыдовской: «Бурцов, ёра, забияка, / Собутыльник дорогой» (56), «Ты – на ухарском коне – / Жесточайший из угаров / И наездник на войне» (57-58), «Бурцов, брат! Что за раздолье!» (59).

Дружеское послание строится на противопоставлении «малого» и «большого» миров. Мир «большой» неестественен, его ценности ложны. Ценности «малого мира» являются непреходящими: Жилище, Дружба, Поэзия, Любовь. «Залетное» послание Давыдова, как видно из приводившегося уже отрывка стихотворения «Бурцову», также выстраивается на данном противопоставлении. Ценностями «малого мира» раннего давыдовского послания оказываются: Домишко/Палатка в бивуаке, Воинское товарищество и Бесстрашие, причем как на поле брани, так и в схватке с множеством стаканов. Несмотря на отсутствие в ранних посланиях интереса лирического героя Давыдова к Любви и Поэзии, наличие незыблемых ценностей и их частичное сходство с ценностями дружеского послания несомненны.

Если в «большом мире» человек обезличен, скрыт под своей социальной маской, то в «малом мире» дружеского послания утверждается «культ человека, отпавшего от своей официальной оболочки, выпавшего из

чиновно-государственного и культурного стереотипов»⁷⁹. Подобное противопоставление официальному и профессиональному находим и в «залетных» посланиях. Гусарство как военная формация по своей структуре оппозиционно по отношению к остальной армии, пронизанной александровской муштрой. Гусар Давыдова все свободное время пирует, а не приводит, например, оружие в боеготовность. Кроме того, он не приемлет армейской иерархии: гусары – братья, среди них нет командиров и подчиненных. Осознание личной доблести заменяет гусару официальное признание военных заслуг:

Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет! (58)

Одной из важнейших черт дружеского послания как жанра является его композиционная, стилистическая и фразеологическая *свобода*. Несомненно, что данный жанр оказывается переходным между жанровой лирикой и нежанровым лирическим стихотворением. *Свободен* и Давыдов в своей «гусарщине» вообще и в «залетных» посланиях в частности. Подобная парадоксальная безграничность обоих жанров – еще одна общая их черта.

Здесь важно подчеркнуть, что тексты Давыдова именно подготавливают жанр дружеского послания начала XIX века, а не создают его. Наряду с описанными общими структурными элементами посланий Давыдова и «каноническим» посланием Батюшкова присутствуют и различия. «Залетные» послания Давыдова написаны четырехстопным хореем, а не трехстопным ямбом. Важным различием оказывается и то, что в текстах «залетных» посланий поэтический труд не становится предметом изображения, а фигуры адресата и адресанта представляют собой не совмещение типажей (поэт-ленивец, поэт-мечтатель, поэт-студент), а типажи веселых рубак-воинов, не являющихся «поэтами». Кроме того, для мира дружеского послания важным оказывается «культ лени» – намеренный и

⁷⁹ Грехнев В.А. Указ. соч. С. 38.

абсолютный уход из социальной и государственной жизни. Гусары Давыдова пребывают в очевидной конфронтации с регулярной армейской системой, погоней за чином и местом, но это герои действия, а не созерцания.

Суммируя все вышесказанное, можно если не утверждать, что Давыдов во многом был предтечей традиции послания начала XIX века, то предположить, что поэт-гусар оказался одним из авторов, непосредственно подготовивших возникновение данного жанра.

За исключением трех ранних посланий к Бурцеву Давыдов за свою жизнь написал еще несколько посланий. Наиболее интересным из них представляется стихотворение «Болтун красноречивый...» (1815). Выполнено оно уже в жанре «батюшковского» дружеского послания. Написано послание трехстопным ямбом. Это первое и единственное использование Давыдовым данного размера в посланиях – все ранние, как уже было упомянуто, написаны четырехстопным хореем, а послание «В.А. Жуковскому», например, разностопным ямбом (сочетание 6-ти и 3-х стопного). В «малом мире» данного послания присутствуют уже классические для жанра ценности: Дружба (а не гусарское товарищество) и Любовь:

Проведавши мой зов,
На пир ко мне назвался
Эрот, сей бог богов,
Веселых шалунов
Любимец и любитель,
Мой грозный повелитель
До серебряных власов.

В кругу пирующих в доме лирического героя оказываются поэты («сорванцы»):

К нам созван круг желанный
Отличных сорванцов,
И плющем увенчанны,
Владельцы острых слов...

В стихотворении появляются мифологические мотивы и античная атрибутика:

Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы
И важных муз синклит
И троица харит
Украсят день счастливый! (76-77)

Поскольку данное послание – единственное у Давыдова, в котором так явно присутствуют мифологические мотивы, можно предположить, что поэт-гусар помещает их в текст именно для того, чтобы он прочитывался как «батюшковское» послание.

Б. Комплекс мотивов гусарской лирики

Под *мотивами* в данной работе понимаются «повторяющиеся в художественном тексте элементы одной сквозной тематической линии»⁸⁰. Основными признаками мотива при таком подходе являются: повторяемость, открытая сочетаемость и варьирование мотива (способность презентации в тексте атрибутами). Неразрывно связанные между собой мотивные группы считаются *темами*⁸¹.

Центральной темой лирики Дениса Давыдова является тема гусара и гусарства. Под гусарством в данном случае понимается способ функционирования фигуры гусара в текстовом пространстве. Таким образом, гусарством оказывается времяпрепровождение и поведение лирического героя-гусара в военном быту – на отдыхе и во время битвы. Указанная тема состоит из тесно переплетенных между собой мотивов, образующих цельный комплекс⁸². Важно отметить, что все творчество Давыдова последовательно выстраивается вокруг образа гусара и его поведения - даже негусарское воспринимается как гусарское, что свидетельствует об определяющем характере данной темы для творчества поэта.

Тема гусара состоит из ряда мотивов.

⁸⁰ Гаспаров Б.М., Паперно И.А. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // Russian Romanticism Studies in the Poetic Codes. Stockholm. 1979. P. 10-11.

⁸¹ Там же.

⁸² Здесь и далее в работе термины "комплекс мотивов" и "система мотивов" употребляются как синонимы.

Мотив *гусара*, представленный в вариантах как мотив *партизана*, *казака*, *сорванца*, *наездника*, и т.д. встречается в наибольшем количестве лирических текстов Давыдова. С течением времени, в стихотворениях, написанных после Отечественной войны 1812 года, лирический герой поэта в некоторых текстах называет себя сначала *партизаном*, *солдатом*, а после и *казачком*. Однако это не отдельные мотивы, а варианты одного мотива потому, что для самого лирического героя Давыдова между ними нет разницы: поведение и речь лирического героя не меняются. Докажем это на конкретном примере.

В стихотворении «В альбом» (1811) герой-*гусар* (не называющий себя гусаром, но воспринимаемый именно так на фоне ранее написанных стихотворений) утверждает, что не способен предаваться поэтическому творчеству и, подобно иному поэту, писать о безделицах. Ему нужны «войны перуны», чтобы показать свой истинный талант – талант воина. Схожая мысль выражена в стихотворении «Ответ» (1826). Однако здесь лирический герой называет себя *партизаном* и *казачком*. Приведем оба стихотворения целиком.

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках, цевницу я таскаю;
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

ОТВЕТ

Я не поэт, я - партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой..

Пусть грянет Русь военной грозой -
Я в этой песни запеваю!

«Любовь, луна, кусты душистых роз» меняются на «лень, негу и покой», а «загрянут войны перуны» на «грянет Русь военной грозой», однако стихотворения крайне схожи: не только по смыслу, но и по форме. Оба написаны ямбом с тем отличием, что к четырехстопным и шестистопным стихам раннего стихотворения добавляются пятистопные в позднем; тексты практически одинаковы по объему (8 и 9 стихов соответственно), лишь рифмовка в «Ответе» оказывается разнообразнее. Можно предположить, что к написанию столь похожего на ранее стихотворение текста Давыдова подвигло желание еще раз указать на единство своей лирики и единого лирического героя для всего творчества. Несмотря на то, что в стихотворении «Ответ» лирический герой называет себя *партизаном* и *казаком*, это все тот же герой, а значит, и мотив.

Мотив гусара⁸³ появляется в трех ранних «залетных посланиях» Давыдова: «Бурцову (Призывание на пунш)», «Бурцову», «Гусарский пир». В них гусаром оказывается лирический герой поэта, а также адресат ранних стихотворений – Бурцов.

Он гусар – и не пускает

...

Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар. (57)

(Бурцову. Призывание на пунш)

Бурцов, ты - гусар гусаров! (57)

(Бурцову)

Всех наездников сзывай
С закрученными усами

...

Будь, гусар, век пьян и сыт. (59)

(Гусарский пир)

Данный мотив переходит в следующий этап творчества (после Отечественной войны 1812 года) и появляется в стихотворении «Песня»:

Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой! (75)

⁸³ Здесь и далее мотив будет называться именно так, а варианты будут подразумеваться.

В 1815 году гусар ненадолго становится партизаном, что, как было сказано ранее, не меняет его сути:

Тебя приветствовал с огромнейшим стаканом
Кочующий в степях нахальный партизан. (78)
(В.А. Жуковскому)

В следующих стихотворениях герой Давыдова вновь гусар, причем сами названия произведений содержат в себе это слово: «Решительный вечер гусара», «Песня старого гусара», «Гусар».

К 1826 году относится незаконченное стихотворение «Партизан», в котором герой – один из наездников:

...мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы. (91)

Необычным вариантом гусара предстает «полусолдат» из одноименного текста 1826 года. Разумеется, что и в данном случае слово *солдат* не стоит понимать буквально. Герой стихотворения – наездник, более того – наездник с усами, следовательно, гусар.

Подчеркнем, что герой Давыдова именно *наездник*⁸⁴, конный военный.

Далее образ *земледельца-гусара* встречается в послании «Зайцевскому», *партизана, казака* – в рассматривавшемся ранее «Ответе». В стихотворении «Герою битв, биваков, трактиров и б...» лирическое Я обращается к лирическому адресату:

О рыцарь! Идол усачей!
Гордись пороками своими!
Чаруй с гусарами лихими
И очаровывай ... (100)

В «Гусарской исповеди» лирический герой признается:

Я каюсь! я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов - все раб молодой привычки:
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.

⁸⁴ Несмотря на то, что словосочетание «солдат наездник», казалось бы, принципиально невозможно.

В одном из последних стихотворений Давыдова⁸⁵ «Челобитная» встречаем все того же героя:

Сотоварищ урагана,
Я люблю, казак-боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
<...>
Подожду... а ты пока
Вникни в просьбу казака
И уважь его моление. (113-115)

Мотив *сражения* – один из самых частотных мотивов лирики поэта. Почти повсеместно, где присутствует фигура гусара, там возникает образ боя. «Бурцову»:

Саблю вон и в сечу! — Вот
Пир иной нам Бог даёт,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка — кивер набекрень,
И ура! — Счастливый день! (58)

«Песня»:

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
...
То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней. (76)

См. также: «В альбом», «В.А. Жуковскому», «Песня старого гусара», «Полусолдат», «Зайцевскому», «Бородинское поле», «Ответ», «Герою битв, биваков, трактиров и б...», «Челобитная».

Досуг гусара – *пир*. Наездники Давыдова сражаются не только на «поле бранном», но и со «стаканами пуншевыми» - другого вида отдохновения гусары в лирике Давыдова не знают. Зачастую именно ситуация пира оказывается в центре изображения поэта. Практически во всех указанных

⁸⁵ Как известно, смерть А.С. Пушкина потрясла Д.В. Давыдова. Он долго болел и практически ничего не писал до смерти в 1839 году.

выше текстах наличествует мотив пира: от ранних («Бурцову», «Бурцову (Призывание на **пунш**)», «Гусарский **пир**») через стихотворения конца 1810-х и 1820-х годов («Песня старого гусара», «Полусолдат») к поздним, 1830-х годов («Герою битв, биваков, **трактиров** и б...», «Гусарская исповедь»). Иногда изображение пира в произведении не представлено, однако назван атрибут любого застолья – алкоголь (см., например, известную цитату из стихотворения «Песня»: «Сабля, **водка**, конь гусарский / С вами век мне золотой!»).

В мире лирики Давыдова мотивы пира и боя слиты воедино: пир оказывается сражением (герою нужно выстоять против полчищ «стаканов пуншевых»), а бой – пиром («пир иной нам бог дает»). Мотив боя-пира оказывается центральным, вокруг него концентрируются остальные рассматриваемые далее мотивы.

С приведенными выше мотивами тесно связан мотив *товарища/друга/собутельника*. Использование конкретного слова зависит от того, с каким из мотивов – *сражения* или *пира* – он теснее связан в данном лирическом произведении. Своеобразного синтеза фразеологического выражения мотив достигает в стихотворении «Песня старого гусара»:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутельники седые? (85)

См. также: «Бурцову (Призывание на пунш)», «Бурцову», «Гусарский пир», «1811-го году», «Песня», «В.А. Жуковскому», «Полусолдат», «Герою битв, биваков, трактиров и б...», «Гусарская исповедь».

Наездники, отдыхая от ратных подвигов и вместе употребляя горячительные напитки, находятся в определенном пространстве – в шалаше на биваке⁸⁶. Часто лирический герой прямо называет место, в котором происходит лирическое действие, нередко описывая его обстановку. Однако даже в тех случаях, когда хронотоп не назван, читатель, знакомый с лирикой

⁸⁶ Единожды – в первом залетном послании «Бурцову» – Давыдов употребляет слово «домишко». Однако, судя по обстановке, это именно шалаш. Вероятно, поэтому в дальнейшем поэт отказывается от данной не очень подходящей лексемы.

Давыдова, с легкостью домысливает его – и практически всегда это будет именно бивак. Мотив *бивака* представлен как в ранних текстах:

В дымном поле, на биваке,
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей. (57)
(«Бурцову»)

Так и в более поздних:

Я прочитал стихи, тобой мне посвященны;
Теперь прочти мои, - биваком окуренны... (78)
(«В.А. Жуковскому»)

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, шашки у бедра,
И диваном - кипа сена.(85)
(«Песня старого гусара»)

От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям. (93)
(«Полусолдат»)

И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак. (100)
(«Ответ»)

Идешь в бивачный мой киоск. (100)
(«Герою битв, биваков, трактиров и б...»)

Однако, как было сказано, и в тех случаях, когда место гусарского пира не называется прямо, оно подразумевается (см. «Гусарский пир», «Песня», «Гусарская исповедь» и др.).

И отдых, и бой происходят в атмосфере гусарского веселья. Гусар чаще всего жизнерадостен, он доволен своей участью и с одинаковой радостью сражается и пирует. Мотив *веселья* фразеологически представлен в следующих текстах: «Гусарский пир», «Решительный вечер гусара», «Партизан», «Полусолдат», «Гусарская исповедь», «Челобитная».

Как и в случае с мотивом *бивака*, данный мотив чаще подразумевается, следует из контекста, чем выражается в слове.

С вышеприведенными мотивами соседствует мотив гусарского разгула и *проказ*, без которых наездник не будет собой. И этот мотив подразумевается в большом количестве текстов, однако словесно явлен только в некоторых: «Бурцов», «1811-го году», «Болтун красноречивый...», «Решительный вечер гусара», «Полусолдат», «Герою битв, биваков, трактиров и б...», «Челобитная».

Важно отметить, что гусарские проказы не синонимичны буйству: герои-гусары не дуэлянты и не картежники. Мотив *проказ* сочетается с одним из конститутивных мотивов, нередко представляя его, / И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!» - 83), *веселья* («Нет взгляда на проказы ваши!» - 93), *сражения* (Дом разгулов безграничных / И налетов удалых... - 115).

Лишь единственный раз намек на буйские проказы дается в послании «Болтун красноречивый...». Анализ данного стихотворения представлен в параграфе о «Повестях Белкина».

Мир гусар - мир истинных ценностей, который противопоставляется «большому» миру. В мире «большом» все подлинное и ценное оборачивается ложным и обесцененным: ложное веселье, ненастоящие пиры, неверно устроенное жилище, отсутствие дружбы и товарищества, сам военный здесь – военный неистинный, он лишь формально оказывается воином, однако лишен присущего настоящему наезднику внутреннего содержания.

Мотив «большого» мира представлен в стихотворениях «В альбом», «Песня», «Песня старого гусара», «Болтун красноречивый...», «Ответ», «Челобитная», «Современная песня», «Бурцову. Призывание на пунш»:

Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он - гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статья,
Зато трубка с табаком;

Нет картин, да заменяются
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А на место ваз прекрасных,
Беломраморных, больших
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых! (56-57)

«Бурцову»:

Пусть не сабельным ударом
Пресечётся жизнь моя!
Пусть я буду генералом,

Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив! (58)

«Малый» мир – мир утопии, в котором *смерть* побеждена с помощью отрицания ее событийности. В поэтической системе Давыдова смерть и страх оказываются синонимическими понятиями, образуют общий мотив. Геройгусар неподвластен смерти не потому, что бессмертен, но потому, что она не пугает героя. В «большом» мире люди находятся под властью смерти, даже если физически еще живы. «Малый» и «большой» миры противопоставлены по принципу наличия/отсутствия страха смерти в стихотворении «Песня» (1815). Ежечасное умирание «господина»:

О, как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать! (76)
противопоставлено «бессмертию» героев «малого» мира:
То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней! (76)

Менее частотными, но важными для системы гусарской лирики оказываются мотивы *любви* и *творчества*.

Мотив любви широко представлен в негусарской лирике поэта – той, которую Денис Давыдов впоследствии исключал из «гусарщины»⁸⁷. Центральным жанром любовной лирики Давыдова является элегия. Поэт-гусар написал девять элегий⁸⁸, стилистика и мотивика которых выбивается из стилистики и мотивики остальных поэтических произведений автора. Однако любовь, в варианте мотива *гусарской любви* явлена и в «гусарщине». Подобный вариант любви можно охарактеризовать следующим образом: это чувство, вызывающее у героя зазор, жажду поединка с возлюбленной. Любовь гусара представляется полем боя, а любимая – противником. Герой пытается наскоком, быстрой кавалеристской атакой взять сердце девушки, в которую влюблен, но, если это не удастся – он не будет сломлен. Как после боя, после схватки с возлюбленной он будет пировать – каким бы ни был ее результат:

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною -
Иль абшид на покой!

А завтра - черт возьми!- как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу! (83)

Любовь опасна для героя, потому что прекрасные девы обитают в «большом» мире. Он должен будет обязательно вернуться в мир «малый»:

Или сквозь локоны ланиты воспаленной
Я б шепотом любовь не напевал
Красавице, мазуркой утомленной.

Но то набег, наскок – я миг ему даю,
И торжествуют вновь любимые привычки,
И я спешу в мою гусарскую семью... (101)

⁸⁷ «Вся гусарщина моя хороша, и некоторые стихи, как Душенька, Бородинское поле, изрядны, но элегии слишком пахнут старинной выделкой, слишком задавлены эпитетами, и краски их суть краски фаянсовые, или живопись школы Миньяри, Буше и прочих живописцев века Людовика XIV-го, много фиолетового и желто<го> цвета». - Письма поэта-партизана Д.В.Давыдова к князю П.А.Вяземскому. Пг., 1917. С. 27.

⁸⁸ Анализ элегий см. в: Вацуру В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». С. 190-194.

Гусарская любовь подразумевает особое отношение к ее объекту – крайнюю экспрессию, нередко переходящую в иронию:

Я вас люблю, - не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор востоком пышет,
Что вы поэзия от ног до головы. (109)

Кроме того, см.: «Вошла, как Психея, томна и стыдлива...» и «Неужто думаете вы...».

Заполучивший любовь гусар не скрывает злорадства по отношению к другим влюбленным:

Но девственность живого поцелуя...
Не им, а мне! (111)

Мотив творчества в лирике появляется после того, как в жанре дружеского послания складывается типаж *поэта-гусара*. Тема творчества входит в гусарскую лирику, следовательно, под влиянием лирики других поэтов 1810-х годов, в большей степени П.А. Вяземского. Подобно любви, творчество в лирике Давыдова – *гусарское творчество*. В цитированном ранее стихотворении «В альбом» герой отказывается «петь любовь, луну, кусты душистых роз», утверждая, что он и в прямом, и в переносном смысле певец войны («Пусть загремят войны перуны, / Я в этой песне виртуоз»). Поэт творит войну, а воин – поэзию – на этом единстве выстраивается мотив гусарского творчества. Поэзия не просто уподобляется сражению, сражение и есть поэзия, они не существуют друг без друга, а гусар-поэт не может творить вне войны⁸⁹. С этим связана раздраженность героя, которого просят «говорить стихами», явленная, в частности, в стихотворении «Ответ на вызов написать стихи»:

Чтоб при ташке, в доломане
Посошок в руках держал
И при грозном барабане

⁸⁹ В данном случае мы говорим о лирическом герое, а не биографическом Денисе Давыдове, который разделял творчество и войну.

Чтоб *минором* воспевал... (82)

См. также: «В альбом», «К Е. Ф. С-ну», «В.А. Жуковскому», «Ответ».

Как видим, мотивы боя, любви и творчества в лирике Давыдова тесно переплетены, образуют крепкий мотивный узел. Нередко мотивы переходят один в другой, оказываются вариантами друг друга – любовь как сражение, поэзия как бой. Мотив сражения в данном случае оказывается центральным, а любовь и творчество – периферийными, факультативными, вариантами мотива сражения.

Рассматриваемые мотивы присутствуют в большинстве лирических произведений Давыдова, сосуществуя вместе, образуя единый комплекс. Один мотив не существует без другого, появление одного из них подразумевает наличие всех остальных. Это приводит к тому, что даже в тех текстах, в которых лексически представлены только некоторые из названных мотивов, остальные домысливаются читателем, знакомым с творчеством Давыдова. Именно эта система мотивов обуславливает единство лирического творчества поэта, которое явлено в сознательно выстроенных прижизненных сборниках.

Исследователями было отмечено, что Денис Давыдов – поэт, основным творческим методом которого является контраст⁹⁰. В его поэзии низкая лексика с легкостью сочетается с высокой, юмористическое переплетается с ироническим, мелодичность стиха резко обрывается экспрессивными элементами. То же самое можно сказать и о мотивике гусарской лирики. В одну тему Давыдов соединяет совершенно различные, противопоставленные друг другу мотивы. Центральным мотивом системы оказывается слитый воедино мотив боя-пира, а остальные либо сопутствуют ему (товарищи, бивак, веселье, проказы), либо оказываются его вариантами (любовь, творчество).

Денис Давыдов, как и поэты элегической школы, создает утопию, но принципиально иную. Если у Батюшкова и Жуковского утопия достигается с

⁹⁰ Семенко И.М. Указ. соч. С.108-118.

помощью воплощения идеала поэта, ухода или побега в другую (гипер) реальность⁹¹, то утопия в лирике Давыдова – посредством нахождения героя в пограничном положении, в ситуации постоянного противостояния смерти. Герой непобедим, пока он сражается со смертью, находится в круговерти гусарской жизни (пир-бой), покинуть сражение – значит выйти из цикличности утопии. Герой-гусар бессмертен, потому что бесстрашен, в азарте боя страх покидает наездника, уход из земной жизни для него не событие. Герой же «большого» мира боится смерти, а значит, побежден ею.

Поэты элегической школы вырабатывают набор языковых формул, использование которых свидетельствует о следовании поэта определенной стилистической традиции. Подобный поэтический словарь создает и Денис Давыдов. Поэты первых десятилетий XIX века, обращающиеся к атрибутам и мотивике гусарских песен, взаимодействуют с «гусарской» стилистикой так же, как со стилистикой других «поэтических школ»: элегической и декабристской. Давыдовское поэтическое слово становится носителем комплекса мотивов, создающего утопию, а его использование в произведениях других поэтов, актуализирует всю систему смыслов «гусарщины». Герой в поэтическом произведении 1810-х – 1820-х годов, использующем словарь Давыдова, погружается в мир гусарского бессмертия и свободы.

⁹¹ См. об этом: Маркович В.М. Трансформации русской лирики в первые десятилетия XIX века // Русская литература. №2. 2015. С. 5-28.

Глава 3. Трансформация комплекса мотивов гусарской лирики в литературе первой половины XIX века

1. Мотивы гусарской лирики в поэзии первой половины XIX века

При сравнении лирики Дениса Давыдова и лирических произведений других поэтов рассматриваемого периода русской литературы сложно устоять от соблазна «вчитать» следование давыдовской традиции во многие стихотворения, влияния «гусарщины» на которые либо не было вообще, либо оказывается косвенным и сложно доказуемым. Выделяя комплекс мотивов гусарской лирики, мы пришли к выводу, что «жанрообразующим» мотивом здесь является мотив *пира-боя*. В лирике первых десятилетий XIX века есть тексты, пользующиеся данным мотивом. В «Певце во стане русских воинов» В.А. Жуковского рассматриваемый мотив заявлен уже в первой строфе:

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!⁹²

Мотив оказывается центральным, он является остовом композиционного единства произведения: каждому славному русскому воину лирический герой предлагает свою чашу. Кубок с вином положен не только живым героям, но и почившим:

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы...⁹³

Пир соединяет мертвых с живыми, мотив пира в рамках стихотворения символически побеждает смерть. Более того, одним из здравствующих воинов оказывается Денис Давыдов:

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.⁹⁴

⁹² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т.1. М., 1999. С. 225.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С.234.

В произведении Жуковского встречаем и другие важные для гусарской песни мотивы: дружбы и товарищества («И сонм друзей бесценный»⁹⁵) и жилища воинов («огни между шатрами»⁹⁶).

Несмотря на данные текстовые переключки, стихотворение Жуковского не может быть прочитано как следующее традиции лирики Дениса Давыдова. Уподобление пира бою и наоборот – архаичный прием, известный как в мифологиях разных стран⁹⁷, так и в древних письменных текстах⁹⁸; остальные мотивы – общие для лирики XIX века. Прочесть текст как «гусарский» не позволяет его стилистическое отличие от песни Давыдова. Даже в строках о Денисе Давыдове Жуковский не отступает от «высокой» стилистики стихотворения, а батальное в нем описано одически, с высокой долей абстракции: в качестве атрибутов войны выступают шлемы, кольчуги, мечи и т.д.; воины образуют дружины, враги оказываются «галлами» и «сарматами».

Таким образом, чтобы установить следование какого-либо текста традиции гусарской лирики Дениса Давыдова в нем должны присутствовать не только мотивные, но и стилистические переключки. Это объясняется стилистической природой поэзии первой трети XIX века – авторы не пользуются мотивами напрямую, для использования мотивов какой-либо поэтической системы (школы «гармонической точности»⁹⁹, декабристов, гусарства) употребляют ее поэтизмы, следуют ее *устойчивому стилю*. Поэтическое слово может быть сигналом определенного стиля¹⁰⁰, но само стилевое единство возникает как принцип уместности в сочетании поэтических единиц.

⁹⁵ Там же. С. 228.

⁹⁶ Там же. С.225.

⁹⁷ См., например, представления о Вальгалле в скандинавской мифологии.

⁹⁸ В частности, в «Слове о полку Игореве».

⁹⁹ См. в: Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974. С. 19.

¹⁰⁰ Там же. С.22.

«Гусарская» стилистика крайне редко использовалась основными поэтами эпохи. Поэты школы «гармонической точности» (Жуковский, Батюшков, Вяземский) и поэты-декабристы (Раевский, Одоевский, Кюхельбекер) в это время разрабатывают собственные стилистики, создают правила, следуя которым должна создаваться «настоящая» литература. «Гусарство» Давыдова, при всех его достоинствах, не отвечало данной магистральной идее, оказываясь излишне свободным стилем, нарушая основополагающий принцип «абсолютной стилистической уместности каждого слова»¹⁰¹. Попытки же интеграции «гусарского» в чуждый стилистический контекст не приводили к удовлетворительным результатам. Так, известна неудача, которая, по мнению современников, постигла Батюшкова в стихотворении «Разлука» («Гусар на саблю опираясь...») (1814). В этом стихотворении явлены как поэтизмы гусарской лирики («сабля», «усы»), так и важная для давыдовской поэтической системы категория комического:

Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!¹⁰²

Однако гусарская атрибутика здесь не выполняет своего назначения – не наполняет стих удалым, рвущимся, огненным. Стих мелодичен, он льется, а не рубится. Несмотря на изобилие восклицательных знаков, стихотворение скорее уныло, нежели экспрессивно. Пушкин отозвался о тексте следующим образом: «Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить»¹⁰³ – подчеркивая излишнюю манерность стиля стихотворения, не сочетающуюся с «гусарской» тематикой, мотивикой и атрибутикой (в частности, с гусарским бытом).

После неудачного опыта Батюшков больше не использует «гусарство» в своей поэзии.

¹⁰¹ Гинзбург Л.Я. Указ.соч. С.23.

¹⁰² Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М; Л., 1964. С. 146.

¹⁰³ П у ш к и н А . С . Полное собрание сочинений: В 16 т. Т.12. М;Л., 1949. С. 277.

В ситуации довольно строгой стилистической разделенности литературы «гусарские» поэтизмы могут быть использованы авторами только в том жанре, который позволяет максимальную поэтическую свободу – способность сочетать различные стили; в жанре, близком в этом смысле к «гусарской» стилистике. Таким жанром оказывается дружеское послание. Шире всего фразеология гусарской лирики представлена в дружеских посланиях, адресованных Денису Давыдову, которых было написано довольно много.

Несмотря на внедрение «гусарской» стилистики, в посланиях не используется весь комплекс мотивов гусарской песни. В большинстве текстов представлены мотивы *гусара, сражения, любви, творчества, друга* (друзьями оказываются адресат и адресант лирической «переписки»), но практически во всех отсутствует мотив *пира*, определяющий для давыдовской лирики. «Гусарский» мотив пира-боя теряет первую свою половину потому, что герой-гусар послания отличен от гусара лирики Давыдова. Дружеское послание создает фигуру адресата по собственной жанровой модели – двухчастный типаж певца-гусара, партизана-поэта, а не воина-гуляки, каким был гусар ранних «залетных» посланий Давыдова.

Первый компонент двухчастного типажа указывает на принадлежность к кругу избранных творцов, второй – выражает специфику данного лирического сознания. По этой модели построен образ поэта-мечтателя Жуковского, поэта-ленивца Пушкина и других поэтов. Таким образом, двухчастный образ «поэта-партизана» был создан не самим Давыдовым, а его соратниками по перу – поэтами «арзамасского братства». В 1812 году Жуковский в «Певце во стане русских воинов», как отмечалось ранее, в списке «воинов» указывает и Дениса Давыдова – воина и певца.

Впоследствии типаж «поэта-воина» / «поэта-партизана» / «Анакреона под дуломаном» неизменно присутствует практически в каждом стихотворном дружеском послании к Денису Давыдову: первые два послания Вяземского к Давыдову имеют заголовок «К партизану-поэту»; в послании

Пушкина читаем: «Певец-гусар, ты пел биваки / Раздолье ухарских пиров»¹⁰⁴; у Федора Глинки в стихотворении «Партизан Давыдов»: «Усач. Умом, пером остер он, как француз, / Но саблюю французам страшен»¹⁰⁵ и так далее.

Сам поэт-партизан использует типаж в «Элегии I» (1814), послании «Болтун красноречивый» и других более поздних текстах.

Таким образом периферийный мотив *творчества*, который до 1810-х годов вовсе отсутствовал в лирике Давыдова, становится основным в посланиях к нему и заменяет *пир*, образуя новый двойной мотив *творчества*боя. В свою очередь, благодаря данному преобразению героя-гусара, произошедшему вне творчества Давыдова, лирика поэта обогатилась мотивами творчества и творца.

Нельзя, однако, сказать, что мотив пира вовсе не представлен в посланиях к Давыдову. Атрибут данного мотива встречаем в первом послании Вяземского «К партизану-поэту («Анакреон под дуломаном...»»)» (1814): «Ты с лирой, саблей иль стаканом / Равно не попадешь впросак...»¹⁰⁶; в послании «Денису Давыдову» А.С. Пушкина читаем: «Певец-гусар, ты пел биваки, / Раздолье ухарских пиров...»¹⁰⁷. Несмотря на это, мотив пира и в данных текстах не разрабатывается – далее использования одного-двух слов поэты не идут.

В полном объеме мотив пира представлен только в одном послании одного автора – Н.М. Языкова. Однако в тексте поэта данный мотив связан не с героем-гусаром, а с героями-студентами:

Моя поэзия росла
<...>
Певица братского веселья,
Друзей да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней...¹⁰⁸

¹⁰⁴ Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1959. С.220.

¹⁰⁵ Там же. С. 222.

¹⁰⁶ Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1958. С.64.

¹⁰⁷ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.1. М., 1959. С.502.

¹⁰⁸ Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1959. С.232.

Герой-гусар же хоть и оказывается певцом «Меча, фиала и любви», но в основном описан как воин, защитник России от иноплеменных врагов.

Практически всеобщее неиспользование поэтами мотива пира может объясняться еще и тем, что тягаться с Давыдовым в описании гусарского пира они не решались – петь гимны попойкам наездников мог только их главный председатель – поэт-гусар. Написать послание Давыдову, в котором будут широко описаны гусарские пиры, мог только поэт, не обладающий и маломальским чувством такта. Этим поэтом оказался Н.В. Неведомский¹⁰⁹, довольно неудачно использовавший «гусарскую» стилистику:

Величиною с кивер кубок
Наполним пуншем по края
Оденем облаком из трубок;
И встретим луч ночной звезды
Залетным к Б<урцо>ву посланьем
<...>
Запить сражения и беды
Стаканом пунша без воды...¹¹⁰

Итак, дружеские послания Денису Давыдову обильно пользуются «гусарскими» поэтизмами, атрибутами мотивов давыдовской лирики, тем самым продолжая и расширяя традицию гусарской лирики, однако в них меняется главный герой – гусар перестает быть «председателем <застольных> бесед», он становится «Анакреоном под дуломаном», наездником-поэтом.

Использовать мотивы гусарской лирики в своей поэзии, не соотнесенной, как дружеское послание, напрямую с фигурой Дениса Давыдова стали молодые поэты 1810-х годов, еще формирующие свою поэтическую манеру. Главным «учеником» Давыдова становится А.С. Пушкин.

¹⁰⁹ Поэт, оставшийся в истории благодаря своей поэтической бездарности. Так, при жизни поэта широко была известна эпиграмма, некоторыми исследователями приписываемая А.С. Пушкину: «Неведомский поэт, / Не ведомый никем, / Печатает стихи, / Неведомо зачем».

¹¹⁰ Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1959. С. 226.

В книге «Поэты пушкинской поры» И.М. Семенко приводит рассказ М.В. Юзефовича о Пушкине: «Я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным»¹¹¹.

Всю вторую половину 1810-х годов Пушкин активно учится давыдовской стилистике: осваивает «гусарские» поэтизмы и мотивы, экспрессивный интонационный рисунок («кручение стиха»¹¹²) гусарской песни.

Первый опыт использования «гусарства» представлен в «Послании к Юдину» (1815). В стихотворение, полностью следующее жанру дружеского послания, вдруг вторгается гусарская тема. Одним из мечтаний лирического героя становится греза о военной славе, выводящая его из спокойной отшельнической деревенской жизни:

И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты...¹¹³

Автор изящно сочетает «высокую» баталистическую лексику с «гусарской» фразеологией:

Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах

¹¹¹ Цит. по: Семенко Указ. соч. С. 95.

¹¹² Так Пушкин определял интонацию стихотворений Давыдова.

¹¹³ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.1. М., 1959. С. 344.

И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цыгарой дымною в зубах...¹¹⁴

Герои-гусары представлены в тексте как на поле брани, так и на пиру:

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.¹¹⁵

Однако «малый» мир «гусарства» оказывается чужим для лирического героя, здесь он не может получить славы:

Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
На век оставил саблю мести...
<...>
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют...¹¹⁶

Сюжетный переход в мир наездничества на уровне стиля становится переходом к слогу и мотивике лирики Давыдова. Таким образом, бесславный уход героя из «гусарского» мира прочитывается как выход автора из крайне сложной стилистики, следовать которой он, по собственному мнению, не в состоянии¹¹⁷. Лирический герой здесь гость, образ «юноши» противопоставляется образу «седого, усатого казака», хозяина этого мира.

Композиционно стихотворение делится следующим образом: пространное введение, первая мечта (гусарский бой), вторая мечта (любовь), короткий вывод, представленный в последней строфе.

Сон о любви («Увы! Я счастлив был во сне»¹¹⁸) мотивно рифмуется с военной грезой:

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Как известно, Пушкин называл стиль Давыдова «неподражаемым слогом».

¹¹⁸ Там же. С. 346.

Помчались кони, вдалеку пустились,
По ветру **гривы распустились**,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне...¹¹⁹

Параллель мотивов любви и сражения Давыдов начнет создавать в своей лирике только в 1820-х годах, Пушкин же намечает ее уже в 1815.

Герой послания отказывается от любви и «малого» мира наездничества. Ни «любовная», ни «гусарская» утопии не прельщают его, потому что мечта о них оказывается больше их самих, а умение и способность создавать поэтические миры, погружаться в них и покидать – вот призвание настоящего поэта: «В мечтах все радости земные! / Судьбы всемогущее поэт»¹²⁰.

Продолжая учиться «гусарской» стилистике Пушкин пишет стихотворение «Усы» (1816) с подзаголовком «Философическая ода». Точность «попадания в стиль» давыдовской лирики подтверждается следующим курьезным случаем. Лицейский стихотворный текст Пушкин не публиковал, вероятно, воспринимая его в качестве раннего опыта. Однако в 1831 году в альманахе «Эвтерпа» стихотворение было опубликовано без вклада автора и подписано именем Дениса Давыдова¹²¹.

В стихотворении Пушкин пытается соединить две стилистики, в которых писал Давыдов в 1800-х – 1810-х годах: «залетную» бурцовщину («Бурцову», «Гусарский пир») и легкую поэзию, наследующую стилю Парни («Моя песня», «Договоры»). Сам Давыдов четко разделял две манеры – героем легкой поэзии никогда не становился гусар.

В стихотворении Пушкина мудрец «с обритой бородою» и «лысой головою»¹²² убеждает усача-гусара в скоротечности жизни:

Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.1. М., 1959. С.462.

¹²² Там же. С.354.

И черны кудри поседеют,
И старость выбелит усы.¹²³

Можно предположить, что текст не был окончен Пушкиным – далее мог следовать ответ гусара, героя утопии, которому неведом страх смерти, а потому и время над ним не властно. Как бы то ни было, поэт пишет стихотворение, в котором представляет синтез поэтических миров Давыдова, предлагает иной путь развития гусарской темы чем тот, по которому пошел Денис Давыдов, довольно быстро отказавшийся от стиля Парни.

В следующем году Пушкин пишет стихотворение «К портрету Каверина» и два стихотворных послания, явно отсылающих к гусарской лирике: «К Каверину» и «В.Л. Пушкину». Особенно интересно последнее.

В послании «В.Л. Пушкину» поэт демонстрирует полное овладение «гусарской» стилистикой. Не уходя в подражание, следуя собственной поэтической манере, Пушкин воссоздает в полном объеме мир наездников лирики Дениса Давыдова.

Лирический герой, находящийся вне «гусарского» мира, восхищен им:

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?

Автор описывает давыдовских идеальных гусар:

Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?

Наездники пребывают в «малом» мире «гусарства», не знают страха, пируют и воют:

Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,

<...>

Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.

¹²³ Там же.

В конце текста появляется образ гусара-поэта, прямо отсылающий к Денису Давыдову:

Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!¹²⁴

Пушкин создает стихотворение, проникнутое наездничеством, но романтика «гусарской» утопии чужда его лирическому герою, который восхищен миром гусар, однако смотрит на него с внешней точки зрения. Лирический герой завидует как немудрым усачам, так и мудрому поэту, которому открыт вход в этот мир.

Научившись стилистике Давыдова, Пушкин пытается соединить ее с другой поэтической манерой, которую активно осваивает в эти годы, – декабристской – в стихотворении «Веселый пир» (1819).

Текст выстраивается, и лексически, и метрически опираясь на «Песню» (1815) Давыдова в первой половине и на «Гусарский пир» (1804) во второй¹²⁵:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *ней!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен¹²⁶.

Подобного свободомыслия в поэзии Давыдова нет. Пушкин легко соединяет стилистику Давыдова с декабристской тематикой и декабристским поэтизмом *свобода*.

¹²⁴ Там же. С. 32.

¹²⁵ Начало текста переключается со строкой «Я люблю кровавый бой...» («Песня»), а пятый и шестой стихи с девятым и десятым «Гусарского пира»: «Чтобы стены от ура / И тряслись, и трепетали».

¹²⁶ Там же. С.85.

После 1819 года Пушкин не обращается к гусарской тематике и мотивике вплоть до 1833 года, когда в стихотворении «Гусар» поэт являет совершенно новый способ взаимодействия с «гусарским» претекстом.

Итак, в стихотворениях 1815-1819 гг. Пушкин учится стилистике и мотивике гусарских песен Дениса Давыдова. Характерно, что «гусарские» стихотворения поэта либо относятся к жанру дружеского послания, переходному между жанровой и внежанровой лирикой, либо к коротким, возможно, недописанным стихотворениям, носящим школярский характер. Овладев «гусарским» стилем, Пушкин уходит от прямых отсылок к лирике Давыдова, вырабатывая собственный творческий метод, намного более тонко используя «гусарское».

Написанное уже после «гусарской» прозы («Повестей Белкина») стихотворение «Гусар» как бы нарочито, кроме слова гусар, обходится без давыдовских поэтизмов. Ориентация на «гусарскую» традицию здесь явлено иным образом. Исследователями отмечалось, что Денис Давыдов впервые ввел в «высокую», устремленную к идеалу, создающую утопию поэзию интонацию и лексику устной речи¹²⁷. Устную интонацию создает и Пушкин в рассматриваемом стихотворении:

«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!
Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке...»¹²⁸

Таким образом, мотивировка выбора гусара в качестве главного говорящего субъекта текста проясняется. Пушкин наделяет героя устной интонацией, создает ролевой лирический сказ, который не смог бы появиться в поэзии без давыдовской «гусарщины». «Гусар» – стихотворение, наполненное комическим на уровне стиля и сюжета, в котором баталистика и наездничество представлены иронически:

¹²⁷ Семенко И.М. Указ. соч. С.113.

¹²⁸ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.2. М., 1959. С.363.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?
Коня! — На, дурень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною...¹²⁹

Опосредованное этим пушкинским прочтением, «гусарство» входит во внежанровую лирику¹³⁰ – в стихотворение «Бородино» М.Ю. Лермонтова.

«Бородино» является необычным для поэзии Лермонтова текстом. Во-первых, в стихотворении описывается сражение, является баталистическая тема, довольно редкая для лирики Лермонтова. Во-вторых, здесь широко представлено комическое. «Бородино» оказывается едва ли не единственным текстом, в котором Лермонтов использует комические элементы. Так, в стихотворении пересекаются два абсолютно нехарактерных для Лермонтова элемента – баталистика и комическое.

Если вспомнить, что именно Давыдов открывает возможность совмещать высокое баталистическое с комическим, которое не снижает героического пафоса, то вряд ли можно предположить, что поэзия Давыдова никак не повлияла на «Бородино» Лермонтова. У Давыдова сам лирический герой характеризуется разговорной фразеологией. Лермонтову для использования разговорного языка нужен герой, не совпадающий с «лермонтовским человеком» (Д.Е. Максимов). Так возникает ролевая лирика. Речь старого солдата преисполнена разговорным и, как следствие, комическим. Так в в 4-й и 5-й строфах «Бородино»: «У наших ушки на макушке», «Французы тут как тут»¹³¹, «Забил снаряд я в пушку туго / И думал: угощу я друга! / Пстой-ка, брат мусью!»¹³². Приведенные комические фразы взаимодействуют с героическим утверждением: «Уж мы

¹²⁹ Там же. С.367.

¹³⁰ См. примечание к стихотворению «Бородино» в: Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т.2. М.,Л.1947. С. 343-344.

¹³¹ Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т.2. М.,Л.1947. С.14.

¹³² Там же.

пойдем ломить стеною, / Уж постоим мы головою / За родину свою!»¹³³. Заметим, что комическое в данном случае, как и во всем стихотворении, не дискредитирует героического.

Прямые лексические отсылки в тексте «Бородино» к давыдовской «гусарщине» прочитываются в 7-ой строфе:

...Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус...¹³⁴

3 из 4 данных лексем (за исключением слова «штык») не использовалась в лирике 10-х – 30-х годов без отсылки к давыдовскому стилю. Маловероятно, что Лермонтов так насыщает свой текст давыдовскими поэтизмами случайно, не желая акцентировать на них внимание читателя конца 30-х годов (прекрасно знакомого с «гусарщиной» поэта-партизана). Однако в «Бородино» давыдовская фразеология перестает быть поэтизмом – она не создает замкнутый утопический мир. «Гусарское» слово перестает быть знаком поэтической системы, обретая фактическое значение. В стихотворении Лермонтова *кивер* – уже не атрибут гусарского бессмертия, это одежда военнослужащего, который может погибнуть в страшной Бородинской битве. Драматическая интонация лермонтовского текста контрастирует с интонацией давыдовской «гусарщины». «Бородино» по тону едва ли не противопоставлено традиции гусарской песни.

В рамках данного параграфа мы попытались показать, как гусарская мотивика и стилистика через посредство жанра дружеского послания (сначала к Денису Давыдову, а потом и к другим адресатам) вошла во внежанровую лирику. Наш краткий обзор не претендует на полноту, необходимо произвести уточнения наблюдений на большем материале (в частности, творчестве Н.М. Языкова), однако это невозможно в объеме данной работы.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 15.

2.«Гусарство» в прозе первой половины XIX века

А. Мотивы гусарской песни в прозе А.А. Бестужева (Марлинского)

А.А. Марлинский один из первых погружает героя-гусара в прозаический текст. Уже в 1823 году в печать выходит два текста, в которых даны явные отсылки к лирике Дениса Давыдова: «Вечер на бивуаке» и «Второй вечер на бивуаке». В заглавие обоих текстов вынесено слово «бивуак», являющееся узнаваемым давыдовским поэтизмом.

Соотнесенность первого из названных рассказов с гусарской песней Давыдова очевидна – его предваряет эпиграф из «Песни старого гусара».

Уже в самом начале произведения появляются узнаваемые «гусарские» мотивы: главные герои – сослуживцы-гусары, они пируют, отдыхая от сражения; они озорники (не буяны) и весельчаки. Пир представлен в варианте пира-симпосия, на котором герои обязательно беседуют. Однако некоторые из заявленных мотивов претерпевают значительные изменения.

Так, Ольский, один из вторичных нарраторов, рассказывает историю о том, как он совершил настоящий по-гусарски безрассудный поступок: во время боевых действий прокрался в расположение французских войск и предложил себя в качестве собутыльника (вино у русских закончилось, а у французов было). Слушатели, однако, сомневаются в истинности рассказанного: «Не из печатного ли это?»¹³⁵ - спрашивает один из гусар. Ольский не препирается и сразу признается, что история выдуманная (однако от этого не менее интересная): «Да хотя бы из печатного...»¹³⁶. Подобное гусарское поведение является в тексте не сюжетной реалией, но в фикциональном качестве: герои не верят в «правдивость» подобной истории, потому что она возможна только в литературе. В повести «гусарская» мотивировка (желание выпить) и сам поэтический безрассудный «гусарский»

¹³⁵ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В. 2-х. т. Т.1. С.79.

¹³⁶ Там же.

поступок невозможны. Так в тексте выстраивается мир, в некотором роде противопоставленный поэтическому миру по причине соотнесенности с миром реальным. В прозаическом тексте невозможны идеальные истории и идеальные гусары.

В рассказе представлен вариант мотива дружбы, невозможный не только для гусарской лирики, но вообще для лирики 1810-х – 1820-х годов, в которой представлен мотив гусара – дружбы с врагом-французом. Если для современной тексту лирики герой-гусар – всегда противник французов, храбрец, побивающий войска Наполеона, посмевающие вступить на родную землю, то здесь Ольский и французы «расстались друзьями, обещая при первой встрече раскрыть друг другу голову от чистого сердца»¹³⁷.

Центральная история в произведении – рассказ подполковника Мечина, в центре которой – любовь гусара. Однако в данном случае это не «гусарская любовь» лирики Давыдова, а обыкновенное, типичное чувство мужчины к женщине. Заметим, что все действие происходит в хронотопе «большого мира» (мира ложных ценностей для героя-гусара Давыдова).

В повести гусар не только стреляется на дуэли (что принципиально невозможно для поэтического гусара), но и проигрывает поединок. Мечин, желая защитить честь возлюбленной, вызывает некоего капитана («слывшего тогда за образец моды»¹³⁸) на дуэль. Герои стреляются на пяти шагах, и капитан одерживает верх, прострелив гусару грудь, но не убив его.

Мотив поверженного гусара в модификации мотива смерти гусара будет явлен во «Втором вечере на бивуаке», однако уже в данном тексте герой-гусар не обладает неуязвимостью поэтического гусара. Это герой совершенно иного мира, мира неутопического, в котором смерть неотвратима. В конце повести герой вынужден лечиться на водах – его здоровье расстраивается после смерти возлюбленной. Если кончина героини представлена в тексте прямо, то мотив смерти гусара дан опосредовано – обуреваемый жаждой мести Мечин думает покончить жизнь самоубийством.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С.81.

Несмотря на несоответствие героев прозы образу поэтического гусара и ухода из текста определяющей категории утопического, ориентация произведения на традицию гусарской песни кажется бесспорной. В тексте ощущается поэзия гусарства, наличие которой достигается за счет мотивов боя и пира, тесно связанных между собой. Герои находятся на пире-симпосии, где каждый может высказаться, где царит веселая дружеская атмосфера. Идеалы данных героев совпадают с идеалами поэтического гусара – они защитники русской земли, сражающиеся с французами. Рассказ оканчивается, подобно ранним залетным посланиям Давыдова, – герои мчатся в бой. Единство пира и боя, жизнерадостность персонажей и чувство товарищества создают подобие «малого мира» гусарской лирики. Мир же «большой» оказывается враждебным – именно в нем гусар получает опасную рану, хочет покончить с собой, а его возлюбленная умирает.

Отход от поэзии гусарства, с грустью и ностальгией о ней, происходит во «Втором вечере на бивуке».

Эпиграфом данному рассказу служат 5 строк из стихотворения «Подробный отчет о луне» Жуковского:

Орудий заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали, и под их рукой
Фитиль курился роковой.

Жуковский ¹³⁹

На первый взгляд, смысл эпиграфа исчерпывается «артиллерийской» темой рассказа – в нем эскадрон гусар подполковника Мечина охраняет расположенные на высотах пушки. Однако в выборе Марлинским именно этого стихотворения можно попробовать поискать дополнительные мотивировки. Данный текст Жуковского можно назвать в определенном смысле уникальным – это едва ли не единственное стихотворение, в которое Жуковский помещает узнаваемые давыдовские поэтизмы.

¹³⁹ Там же. С.86.

Напомним, что в стихотворении лирический герой Жуковского обращается к произведениям автора, в которых было изображение луны. Кроме прочих текстов («Светлана», «Людмила», «Варвик» и т.д.), лирический герой вспоминает и «Певца во стане русских воинов», в котором была «Одна прекрасная луна: / Когда пылала пред Москвою / Святая русская война...»¹⁴⁰. В отличие от «Певца...», где исключительно все, связанное с батальным, описывалось «высокой» лексикой, в «Подробном отчете о луне» Жуковский пользуется разными стилевыми регистрами.

В абстрактное описание батального с использованием славянизмов:

Святая русская война —
В рядах отечественной рати,
Певец, по слуху знавший бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братий.

включается «низкая» фразеология:

И кое-где перед огнем,
На ярком пламени чернея,
Стоял казак с своим конем,
Окутан буркою косматой...¹⁴¹

Переключения на стилистику поэзии Давыдова в стихотворении совершаются еще несколько раз: «ратник» спит в «лиственном биваке»¹⁴², а в отдалении виднеются «биваки дымные врагов»¹⁴³.

В «Певце...» Жуковский, используя те же мотивы, что и Давыдов (особенно важно в данном случае слияние мотивов пира и боя), не использует давыдовскую фразеологию, даже говоря о военных подвигах Давыдова, а биваки называет «шатрами». Жанр же послания позволяет стилевую разнородность в «Подробном отчете...». Поскольку давыдовская стилистика

¹⁴⁰ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т.2. М., 2000. С. 197.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С.198.

¹⁴³ Там же.

к 1820-м годам тесно связана с батальной темой, Жуковский считает возможным воспользоваться в своем тексте «гусарским» словом.

Данное стихотворение, как уже было сказано, оказывается едва ли не единственным, в котором Жуковский использует давидовские поэтизмы. В связи с этим обращение Марлинского в рассказе о гусарах именно к этому претексту кажется логичным.

Во «Втором вечере...» встречаем мотивы гусарской лирики.

Герои – отчаянные храбрецы, готовые в одиночку сражаться с целым селением французов. В тексте присутствует интересная атрибутивная актуализация единства мотивов пира и боя – артиллерист Лидин хранит вино в ящике для боеприпасов:

- За вином дело не станет. Эй, фейерверкер! принеси сюда из зарядного ящика две бутылки, те, которые лежат в крышке на левой стороне.

- Да здравствует артиллерия! - воскликнул Струйский, отбивая саблею бутылочное горлышко.

- Ну кто бы иной умудрился соединить в одно место и смертные снаряды и жизненные припасы? Теперь предлагаю тост за твою Александрину!

Лидин положил руку на сердце, высоко поднял стакан, по-рыцарски выпил его и разбил вдребезги о шпору.¹⁴⁴

Герои бесстрашны, страх смерти им, кажется, неведом:

«Друзья! вряд ли нам выстоять живыми, зато об нас вспомнят в России и от нас поплачут во Франции.

- Слава богу, - сказал радостно подполковник.

- Будет где позвенеть саблями! - воскликнул Струйский. - Смотрите, господин артиллерист, не выдайте нас!

- Не бойтесь, ротмистр! - пылко отвечал артиллерийский офицер, - Мои канониры не раз дрались банниками и даром не сожгут зерна пороху. Только вы, когда у меня не станет картечь, поделитесь со мною подковами и пуговицами, - их много на ваших доломанах, а там будет довольно тепло, чтобы драться нараспашку. Впрочем, когда до того дойдет дело, я буду стрелять последними своими франками!

Офицеры шумели и радовались, будто накануне гулянья; забытый ими огонь спадал и только, вздуваемый ветром, сыпал искры и порою освещал дремлющих гусар, половину верхами, половину у ног коней.¹⁴⁵

Явлен и мотив влюбленного героя, для которого любовь сродни сражению, а для взаимности нужно быть храбрецом (мотив гусарской

¹⁴⁴ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В. 2-х. т. Т.1. С.91.

¹⁴⁵ Там же. С.94.

любви). Лидин, желающий пересесть в карету к возлюбленной, намеренно разбивает свою, рискуя убится:

"Пошел, - говорю я, - не рассуждать, а делать!" И с этим словом вся тройка подхватила бить, понеслась, - дрожки, звеня, запрыгали по кочкам и выбоям, вправо, влево, под гору и на повороте прямо на камень - крак! – ось пополам, колесо вдребезги, а я вместе с кучером отлетел сажени на три в ров.¹⁴⁶

С первой половиной текста диссонирует вторая. В ней описывается смерть гусара Владова, лучшего друга Мечина. Умиряющего гусара окружает узнаваемая атрибутика гусарского быта лирики Дениса Давыдова, причем элементы намеренно подбираются так, чтобы читатель не мог не отреагировать на интертекст:

Возвращаясь к полку, я отстал от фронта, чтобы напрямик проехать в штаб с рапортом. Смотрю - подле дороги лежит раненый гусарский офицер; я спешу к нему, - и что ж?.. Это Владов. Рядом с ним повержен был убитый копь его. Он сам, опершись на обломок сабли, глядел на кровь, которою исходил. Глаза его стали, лицо подернулось смертною синевою. Мой вопль возбудил друга: он приподнял голову, улыбнулся, хотел подать мне окровавленную руку, но она упала как свинцовая.

"Друг! - сказал он тихо, - мое предчувствие сбылось - мое желание исполняется, я умираю..."

Он замолк; кровь проступала сквозь ментик, - я от ужаса и сожаления не мог промолвить слова.

"Смотри, - сказал он опять, - смотри, Мечин, как капля по капле источается во мне жизнь, как постепенно густеет и холодеет кровь моя; еще капля, еще минута - и меня не станет! Люди говорят, будто умирать тяжело; но прошедшее и будущее принадлежит не нам, а терять настоящее ужели мы не привыкли?.."

Он стихал, я плакал навзрыд; и мог ли не плакать я, когда мой ангел-утешитель, тот, который был для меня все на свете, покидал меня?

"Не плачь! - продолжал он, тяжело переводя дух. - Не жалею меня, потому что на земле я жалею только о дружбе. Я не умел жить, зато умею умереть..."

В это время я подложил ему под голову ташку свою, чтобы ему было покойнее... и глаза Владова засверкали, упав на вышитого орла.

"Россия!.. родина!.. - вскричал он. - Мечин, прости..."¹⁴⁷

Конь Владова убит, опирается герой на *обломок сабли*, кровь проступает «через *ментик*». Под голову умирающему Мечин подкладывает «*ташку* свою», и Владов роняет голову на «*вышитого орла*» – отсылка к расхожему давыдовскому стиху о «ташке с царским вензелем». Герой жалеет

¹⁴⁶ Там же. С.90.

¹⁴⁷ Там же. С.97.

только о друзьях – одной из основных ценностей «малого мира» гусарской песни.

Так, пародийно обыгрывая атрибутику и мотивику гусарских песен и учиняя расправу над «высоким» героем-гусаром, Марлинский демонстративно отказывается от давыдовского «гусарства» в своей прозе. В дальнейшем герой-гусар в повестях и рассказах будет сниженным героем, лишенным своей соотнесенности с поэзией боя.

Марлинский первый предпринимает попытку перенесения духа давыдовского гусарства в прозу. Писатель помещает мотивику и тематику лирики Давыдова на уровень сюжета, а персонажами произведений становятся герои, во всем, казалось бы, следующие оригиналу – лирическому герою Д. Давыдова и героям-гусарам его лирики. Однако отсутствие чувства меры приводит к излишней романтичности сюжета, нередко соскальзывающей в мелодраматичность. Образы гусар прозы Марлинского 1823-го года оказываются чрезмерными, больше напоминающими наездников даже не «Разлуки» Батюшкова, а послания «Разорвалось в бутылке дно...» Неведомского. Быть может, осознание собственной неудачи в создании прозаического «гусарского» дискурса привело автора к отказу от дальнейших опытов в 1820-х годах.

К герою-гусару Марлинский возвращается только в начале 1830-х.

В повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (1830) одним из рассказчиков оказывается гусар. Мотивы гусарской песни в его рассказе модифицируются: герой пользуется давыдовской фразеологией, но в ситуациях, обратных оригиналу. Так, гусар «кивер зверски набекрень¹⁴⁸, бурку наотмашь»¹⁴⁹ скачет не в бой, а из расположения полка «к крыльцу» возлюбленной. Главная страсть героя – любовь к женщинам, ради которой он жертвует службой: «каждый часок, на который мог урваться со службы, конечно, был посвящен прекрасному полу»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Прямая цитата из «Песни старого гусара» (85)

¹⁴⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В. 2-х. т. Т.1. С.300.

¹⁵⁰ Там же.

Единственным другом героя «к стыду людей»¹⁵¹ оказывается пудель, который спас ему жизнь. Здесь трудно не заметить иронию первичного нарратора.

Сниженно в произведении представлено и сражение. Герой, ехавший по лесу «в одном доломане, без сабли»¹⁵², попадает в засаду к разбойникам, от которых спасается бегством. Гусар так испугался этого происшествия, что вынужден лечиться от нервной горячки на водах.

Таким образом, в тексте представлен герой-гусар, на сопоставление которого с поэтическим гусаром наталкивает использование давыдовских поэтизмов. Однако прозаический герой не просто лишен характеристик героя поэтического, он противопоставлен гусару лирики Давыдова. Это «гусар без сабли», антитеза поэтического гусара.

Прозаические, полностью лишённые какой-либо поэтичности, пошлые и глупые гусары описаны в «Испытании» (1830).

Иронией по отношению если не к лирике Давыдова, то к беллетристике, использующей многие «гусарские» атрибуты проникнут следующий пассаж:

«Я мог бы при сей верной оказии, подражая милым писателям русских новостей, описать **все подробности офицерской квартиры** до синего пороха, как будто к сдаче аренды; но зная, что такие микроскопические красоты не по всем глазам, я разрешаю моих читателей **от волнования табачного дыма, от бряканья стаканов и шпор**, от гомеровского **описания дверей, исстрелянных пистолетными пулями**, и стен, исчерченных **заветными стихами и вензелями, от висящих на стене мундштуков и ташки, от нагорелых свеч и длинной тени усов**. Когда же я говорю про усы, то разумею под этим **обыкновенные человеческие, а не китовые усы**, о которых, если вам угодно знать пообстоятельнее, вы можете прочесть славного китолова Скорезби. Впрочем, да не помыслят поклонники усов, будто я бросаю их из неуважения; сохрани меня Аввакум! **Я сам считаю усы благороднейшим украшением всех теплокровных и хладнокровных животных, начиная от трехбунчужного паши до осетра**»¹⁵³.

¹⁵¹ Там же. С.307.

¹⁵² Там же. С.303.

¹⁵³ Там же. С.193-194

Герои-гусары погружены в сниженный, непоэтический быт – спорят о ментиках (какой красивее: трехрядный или пятирядный), мечтают о «большом мире», потому что «малый» мир в тексте отсутствует; оставаться в полку гусарам не хочется, и они фактически сбегают из расположения войск.

Акцентируя внимание читателя на контрасте прозаической текстовой реальности и поэтического слова, не имеющего с ней ничего общего, повествователь иронизирует над поэзией «гусарского» быта. Валериан, один из главных героев, утверждает, что приехал к товарищам, чтобы с ними «выпить прощальную чашу»¹⁵⁴. Однако сразу после слова персонажа следует ремарка первичного нарратора: «воскликнул он <...>, с бокалом шампанского...»¹⁵⁵.

Герои произведения цитируют Давыдова: «звон сабель и стаканов»¹⁵⁶, «наш доморощенный Жомини»¹⁵⁷, однако подобные обращения к «гусарскому» слову не обогащают текста мотивикой давыдовской лирики. Герои-гусары прозы Марлинского 1830-го года используют фразеологию Давыдова потому, что они гусары – других смыслов здесь, как кажется, нет.

В остальных текстах гусара и гусарства или нет, или оно представлено одним-двумя словами. Так, в «Лейтенанте Белозоре» (1831) читаем: «Волосы есть самый сильный возбудитель электричества. Оттого прекрасному полу так нравятся гусарские усики»¹⁵⁸. Отметим ироничность фразы.

Итак, Марлинский в первой половине 1820-х годов, в ситуации бытования «гусарства» в поэзии, пытается создать прозаические тексты, центральный мотивный узел которых состоит из мотивов «гусарских». Писатель не пользуется давыдовскими поэтизмами, стараясь по-новому разработать гусарскую тему – исключительно с помощью мотивных переключек и героев-гусар, схожих с гусарами лирики Д. Давыдова.

¹⁵⁴ Там же. С.194.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С.195.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. С.371.

Возвращается автор к «гусарству» только через семь лет. Гусары прозы 1830 года поданы повествователем иронически, это сниженные герои. Если в более ранних текстах явно прослеживается интенция автора на создание прозаического эквивалента «малого» мира лирики Давыдова, то в произведениях 1830 года Марлинский не оставляет и намека на «малый» мир.

Б. Мотивы гусарской лирики в прозе В.И. Карлгофа

В.И. Карлгоф (1799 – 1841) был довольно заметной фигурой литературной жизни конца 1820-х – первой половины 1830-х годов. Рассказы и повести Карлгофа можно отнести к беллетристическому романтизму 20-х – 30-х годов XIX века (Вельтман, Полевой, Бестужев). Интересно, что автор адресует произведения женщинам – нередко встречается обращение «мои дорогие читательницы» и др. Обращаясь к этой читательской аудитории и строго ориентируясь на нее, центральной темой своего творчества Карлгоф избирает любовь, что характерно и для остальных упоминавшихся выше авторов. Стоит, однако, заметить, что к интересующей женскую аудиторию теме писатель добавляет очаровывающий антураж – военный быт и героев-военных – персонажи Карлгофа чаще всего кавалеристы, нередко гусары.

Для создания военного антуража прозаик использует мотивы, прямо отсылающие к лирике Давыдова. Можно предположить, что Карлгоф оказывается тем автором, который последовательно переносит гусарско-военную мотивику Давыдова в прозу, меняя, однако, ее функцию. Если у Давыдова гусарство – это тема, а военный быт призван в полной мере характеризовать героя лирики, то у Карлгофа оно оказывается орнаментом, обрамляющим любовный сюжет. Гусарство здесь сигнализирует о выделенности и необычности героев, романтизирует их образы.

Зачастую рассказчик очередной истории в произведении вводится в ситуации *пира*. Можно предположить, что в данном случае автор наследует не только общей традиции рамочного повествования в прозе первой половины века, но и следует Давыдову. Вспомним, что в лирике поэта-гусара

на пиру происходят споры и беседы¹⁵⁹. Пир в данном случае подобен симпозию – пиршеству интеллектуальному. Именно благодаря «симпосийности», «интеллектуальности» мотив пира во множестве текстов Карлгофа оказывается ключевым – он оформляет повествование.

Так, в повести «Ротмистр Ветлин» автор пишет: «Пир за пиром пролетал, как день за днем»¹⁶⁰. В рассказе «Почти истина» в хронотопе пира происходит *победа над смертью*: у одного из героев погибает возлюбленная, однако оказывается, что это был лишь сон. В этом же произведении во время пира разворачивается спор между «эпикурейцами» и «стойками». Первые считают, что человек не способен справиться со своей смертностью, поэтому должен наслаждаться жизнью, пока та еще не окончилась. Вторые же утверждают, что люди во всякий момент должны быть готовы перейти в мир иной, а потому ежедневно обязаны помышлять о смерти.

Для оформления мотива пира Карлгоф использует узнаваемые атрибуты Давыдова — чаши с пуншем, ромом или вином и обязательно трубки. Однако указанные предметы в рассказах и повестях автора преодолевают границы мотива и начинают появляться повсеместно там, где представлено общение между героями — герои пьют и дымят трубками и во время диалогов. Так, ротмистр Ветлин рассказывает случай из своей жизни поручику Слоневу под «трубки и бутылку Лафиту» («Ротмистр Ветлин»), а в «Уральской старине» герои общаются только при наличии «стакана пуншу».

Крайне широко в текстах автора представлен *военный быт*, который наследует *гусарскому быту* Давыдова. Кроме упоминавшихся ранее алкоголя и трубок, в текстах находим баклаги, нагайки, стаканы, бурки, кивера, карты и т.д. Они считаются «необходимыми принадлежностями солдата в походе».¹⁶¹ Беседы, как уже было сказано, ведутся в табачном мареве, герои то и дело пускают «длинные струи горячего табачного дыма» («Офицерские

¹⁵⁹ «Председатели бесед, собутыльники седые» - так лирический герой Давыдова называет гусар. См. в: Давыдов Д.В. Сочинения. Спб., 1848. С.137-138.

¹⁶⁰ Карлгоф В.И. Повести и рассказы. В 2-х ч. Ч.1. 1832. С.74.

¹⁶¹ Карлгоф В.И. Повести и рассказы. В 2-х ч. Ч.1. С.261.

вечера»). В рассказе «Предчувствие» появляется важный атрибут героя-гусара Давыдова — усы. Корнет Розин, сослуживец главного героя, молод и легкомыслен, его единственная забота — «едва пробившиеся усы», за которыми он следит и которыми гордится.

Как уже было сказано выше, довольно часто героями текстов Карлгофа являются *гусары*. Они составляют войсковое *товарищество*, которое проводит свой досуг в *веселии*. Так, в «Ротмистре Ветлине» встречаем следующую цитату: «Кто хотел жить весело, тот служил в гусарах»¹⁶². «Солдат не знает роскоши», но с сослуживцами он счастлив — испытывает «истинную радость».¹⁶³ Мотивы *гусара*, *товарищества* и *веселья* представлены в произведениях Карлгофа в давыдовском смысле.

Поскольку центральной темой всех произведений Карлгофа оказывается любовь, то и гусар в текстах автора всегда влюблен. Более того, именно гусар оказывается тем, для кого *влюбленность* является единственным нормальным состоянием («Мститель», «Ротмистр Ветлин», «Обыкновенный случай» и т.д.). Стоит заметить, что уже давыдовский гусар в некоторых текстах влюблен. Можно предположить, что столь частое появление гусара в роли главного героя произведений Карлгофа объясняется двумя причинами. Во-первых, герой-гусар неразрывно связан с гусарским бытом, который важен для Карлгофа, во-вторых, он органичен в любовной истории, прекрасно подходит для нее.

Довольно редко встречается в текстах Карлгофа мотив *дуэли*. В большинстве случаев он предстает в варианте дуэли несовершенной, предотвращенной или же перенесенной в другой хронотоп — хронотоп сражения. Так, например, в первом из «Офицерских вечеров» едва вспыхнувшие герои охлаждаются, примиряются и продолжают свой веселый досуг.

¹⁶² Там же. С.73.

Отметим интересное синтаксическое и семантическое сходство цитаты с известным афоризмом Козьмы Пруткина: «Если хочешь быть красивым, - поступай в гусары».

¹⁶³ Карлгоф В.И. Повести и рассказы. В 2-х ч. Ч.2. С.214.

В небольшом количестве текстов явлен мотив *разгульности*. Понимается он, как кажется, именно в давидовском смысле – герои-гусары шумно и весело проводят свои вечера, не буюня, не бретерствуя, не соблазняя девушек и не жульничая в игре. Изредка, однако, с этим мотивом связывается иной – *волокинства*, однако волокита либо отрекается от донжуанства во имя настоящего чувства («Ландыш»), либо наказывается (другим гусаром, как в повести «Мститель», или фантастическим «гением искупителем» в рассказе «Ротмистр Ветлин»).

В качестве иллюстрации к приведенным выше размышлениям приведем анализ повести «Мститель». Данный текст интересен тем, что в нем встречаются все перечисленные мотивы.

Сюжет произведения таков. *В уездном городе расквартирован эскадрон наездников, не названных гусарами, но крайне с ними схожих. Воины томятся от безделья и мечтают участвовать в сражениях вроде битв 1814 года, о которых рассказывают «деды»: «по воле, а более по неволе, пополам со скукою живут себе все понемногу».*

Молодые люди по вечерам за пунишем беседуют о волокитстве, любви и проказах.

Все офицеры влюблены в еврейку по имени Лейка, особенно к ней расположен главный герой Веневский. Она отвечает ему взаимностью. Их любви препятствуют предрассудки обеих сообществ – как офицерско-дворянского со стороны Веневского, так и еврейского со стороны Лейки.

Офицеры узнают о чувстве между девушкой и своим товарищем, и один из них решает пошутить над молодым человеком. Веневский вспыхивает и готов вызвать обидчика на поединок, но командир эскадрона ротмистр Шварценвальд запрещает дуэль в своем эскадроне. Он считает: кто прав, а кто виноват можно решить с помощью общего голосования.

После этого случая ротмистр рассказывает офицерам историю¹⁶⁴, из которой становится понятно, почему он стал мстителем:

¹⁶⁴ Заметим сходство его истории с сюжетом «Выстрела» Пушкина.

Давным-давно — герой еще был молод — в эскадрон прибыл молодой офицер, блестящий майор. Его Шварценвальд невзлюбил, но не из-за жажды первенствовать (это поясняет специальная ремарка: «меня не оскорбляло принимаемое им на себя первенство в обществах, или роскошные вечера...»¹⁶⁵), но что-то «скрытое в его физиогномии было тому причиною, а я любил и люблю лица открытые».

Пока ротмистр отсутствует по поручению начальства, майор совращает его возлюбленную (она пала, но как именно, ротмистр расскажет только Богу на страшном суде). От мук совести девушка кончает с собой, а герой убивает майора на дуэли и клянется мстить всякому, кто попирает девичью честь.

По эскадрону проходит радостная весть: в Польше восстание, наконец, молодые офицеры познают радость настоящей битвы. В это же время Лейка отдается Веневскому, тот, в свою очередь, клянется ей в верности. Она отправляется на войну вместе с возлюбленным, но постепенно пыл молодого человека остывает, а война захватывает его еще больше. Веневский бросает девушку, пытаясь откупиться от нее, но она отказывается и предрекает: «Наказание ждет клятвопреступника».

Ротмистр замечает, что Лейки больше нет в эскадроне, и требует ответа от офицера. Тот говорит, что о женитьбе на Лейке и речи быть не может, ведь это было бы позором для его семьи. Ротмистр решает мстить ему (хотя они лучшие друзья), но не дуэлью, а «божьим судом»: офицеры будут идти впереди строя и ждать пули, которая сразит первого. Веневский погибает, мщение совершено.

Итак, мотив дуэли в тексте явлен трижды. Обратим внимание на то, что Шварценвальд и майор участвуют в поединке, оформленном по всем правилам. В других ситуациях мотив дуэли деформируется. Так, в первом случае (когда Веневский собирается вызвать офицера, насмехающегося над его любовью) дуэль предотвращается, а в последнем — переносится в ситуацию боя. В ней судьба, Бог оказывается соперником героев, прямое противостояние избегается. Как видно, конвенциональная дуэль явлена в тексте только тогда, когда автор не может избежать ее без ущерба для сюжета.

¹⁶⁵ Карлгоф В.И. Повести и рассказы. В 2-х ч. Ч.1. С.24.

Но явное предпочтение отдается ситуациям, когда поединок предотвращен или изменен его облик — таким образом противоречия разрешают божий суд или офицерское голосование. Важно отметить, что офицеры в «Мстителе» не являются бретерами, а наличие дуэлей никак не объясняется «сварливыми»¹⁶⁶ характерами главных героев.

Другой важный для сюжета повести мотив — мотив *волокичества*. Однако часто он представлен исключительно фразеологически. Молодые офицеры эскадрона беседуют о донжуанстве, но едва ли применяют свои навыки на практике. Обольстителями в полном смысле слова оказываются только майор и Веневский. Они становятся объектами преследования героя-мстителя Шварценвальда, с которым повествователь явно солидарен. Таким образом, обольститель в данном произведении и, как кажется, во всех текстах Карлгофа не может не быть отрицательным героем. Чаще всего он наказан, справедливость торжествует.

В некоторых текстах Карлгофа присутствует мотив *карт* как предмета, а не как азартной игры. Карты даны здесь в ряду необходимых вещей гусара, они помогают в оформлении образа героя. В некоторых текстах этот мотив может выполнять дополнительную функцию. Так, например, в рассказе «Предчувствие» он необходим для создания комической реплики в диалоге.

Подведем итоги. Карлгоф осознанно заимствует мотивы гусарской песни Давыдова. Выражается это в первую очередь в том, что автор использует не некоторые мотивы или слова-маркеры давыдовской лирики, а весь комплекс, гусарскую тему. Гусар (шире — наездник и даже вообще офицер) в текстах Карлгофа обладает всеми характеристиками давыдовского героя, практически без примеси «буянства». В тех же текстах, где оно появляется, поведение персонажей не объясняется определенным «гусарским» типом характера (как в последующей литературе), а необходимо для оформления сюжета. Таким образом, Карлгоф пытается трансплантировать «гусарскую» мотивику и лирического героя Давыдова из

¹⁶⁶ Характеристика Н.Н. Муравьева по отношению к Лунину.

лирики в прозу, однако сталкивается с теми же проблемами, что и Марлинский в первой половине 1820-х годов. Мотивика гусарской лирики, помещенная в прозаический контекст, неогранична здесь, герои, внешне схожие с гусарами Давыдова, попадая в векторный мир прозы, теряют свое бессмертие. Персонажи, лишены утопичности, упрощаются, утрачивая крайне важное измерение характера и не получая ничего взамен.

Новое поэтическое измерение, обеспечившего жизнь «гусарства» в чуждой себе литературной форме, героям-гусарам придает Пушкин.

В. Мотивы гусарской лирики в «Евгении Онегине» и в прозе А.С. Пушкина

«Евгений Онегин»

XXXVII строфа первой главы «Евгения Онегина» оканчивается следующим образом:

И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец¹⁶⁷.

Интересно, что это темное место в тексте никак не объясняется в «Комментарии к “Евгению Онегину”» Ю.М. Лотмана. В.В. Набоков указывал на то, что приведенная строка «раздражает своей неясностью»¹⁶⁸. По мнению комментатора, стих указывает на «дуэльный опыт Онегина», хотя может свидетельствовать о том, что в 1815 году Онегин был на действительной службе в армии¹⁶⁹. Таким образом, Набоков понимает слово «брань» либо в значении «сражение, бой», либо в переносном смысле – «брань» как дуэль, а «саблю» и «свинец» как ее атрибуты.

О непроясненности смысла строки свидетельствуют современные публикации, в которых представлены попытки интерпретации проблемного места текста. Так, О.В. Барский под «свинцом» понимает способ лечения

¹⁶⁷ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. М., 1960. С.25.

¹⁶⁸Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С.176.

¹⁶⁹ Там же.

сифилиса¹⁷⁰, нежелательного спутника «науки страсти нежной». «Брань» же и «сабля», по мнению исследователя, «вполне могут быть эвфемизмами сексуального опыта Онегина. Сравнение любовных атрибутов с военными имеет давнее происхождение»¹⁷¹.

Как представляется, трактовка слов «сабля» и «свинец» не должна вызывать трудностей: речь здесь идет о дуэльном оружии¹⁷². С другой стороны, дуэли на саблях – крайняя редкость. Поэтому, скорее всего, имеется в виду оружие кавалеристов, простое обнажение которого считалось поводом для дуэли. Таким образом, во фразе представлен процесс – обнажение сабли (вызов) и следующий за ним поединок чести. Данная трактовка подтверждается близким знакомством Онегина и Каверина¹⁷³. Можно предположить, что Онегину надоело общество кавалеристов с их дуэлями, о чем и сообщается в стихе.

Сложнее интерпретировать слово «брань». В «Словаре языка Пушкина» представлено две статьи на данную лексему: 1. Брань – война; 2. Брань – ругань, ругательство¹⁷⁴. Кажется, комментаторы текста не учитывали второе значение слова. Если допустить, что в данном случае «брань» понимается в смысле «ругани», то в трактовке стиха все становится на свои места: Онегину надоела ругань повес, которая приводила к вызовам и дуэлям. Данную интерпретацию лексемы, кроме прочего, подтверждает то, что слово «брань» в основном тексте романа¹⁷⁵ употреблено всего два раза – в анализируемой строке и в конце последней строфы первой главы, где дано в значении «ругань»:

И заслужи мне славы дань:

¹⁷⁰ Барский О.В. Из цикла «Пушкинские загадки»: «Евгений Онегин» // Литературно философский журнал «Топос» (интернет-издание): <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/iz-tsikla-pushkinskie-zagadki-evgenii-onegin> (дата обращения - 06.01.2016).

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Дуэли на саблях случались. См. «Дуэльный кодекс» В. Дурасова в: Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 2014. С.333.

¹⁷³ «Что там уж ждет его Каверин» - Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. М., 1960. С.17.

¹⁷⁴ Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т.1. М., 2000. С.159.

¹⁷⁵ Без «Путешествия Онегина».

Кривые толки, шум и брань!

Рассуждая о «гусарском» в тексте «Евгения Онегина» нельзя не остановиться на фигуре Зарецкого.

Зарецкий, «...некогда буян, / Картежной шайки атаман, / глава повес, трибун трактирный»¹⁷⁶, как известно, имеет конкретный исторический прототип – образ во многом списан с Толстого-Американца¹⁷⁷. Неудивительно, что герой оказывается *буяном*, ориентированным на тип реального повесы – он картежник и бретер (более того, хранитель дуэльного кодекса). Стоит, однако, заметить, что персонаж не исчерпывается «буянским» типом характера. Если буян – герой легендарный, мифологический и, следовательно, высокий, то образ Зарецкого представлен повествователем с изрядной долей иронии. Нельзя, правда, сказать, что герой полностью дискредитирован нарратором «Евгения Онегина» («Он был не глуп...»¹⁷⁸ и др.). Таким образом, Зарецкий, несомненно соотносимый с историческим «буянским» мифом, оказывается больше этого мифа.

Восприятие характера героя осложняется еще и аллюзией на лирику Давыдова:

И то сказать, что и в сраженье
Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!¹⁷⁹

Современник автора вряд ли мог не отреагировать на давыдовское «как зюзя пьяный». Он же, более того, несомненно, заметил неуместность цитаты в данном контексте – Пушкин разрушает определяющее для лирики Давыдова единство пира и боя, отсылая при этом к давыдовской фразеологии. Опьянение мешает наезднику Зарецкому сражаться – так в

¹⁷⁶ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. М., 1960. С.114.

¹⁷⁷Подробнее см.: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2016. С.228 и С.348.

¹⁷⁸ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. М., 1960. С.115.

¹⁷⁹ Там же. С.114.

тексте Пушкина мотив пира мешает мотиву битвы – пьяный герой оказывается плохим воином. Высокое «упоение боем» сменяется галлюциногенным упоением от выпитого (обратим внимание на обнажение внутренней формы слова).

Думается, что истоком образа «отчаянного гусара» Толстого-Американца в культурной памяти является образ кавалериста Зарецкого.

Итак, в шестой главе «Евгения Онегина» (1826-1827гг.) Пушкин создает образ Зарецкого, частично совмещающего исторического буяна и поэтического гусара. Лирический образ переводится на язык эпоса с помощью обращения к буянскому мифу. В 1830-м году автор продолжит соединять два типа героя, перенося героя-гусара лирики Давыдова в прозу.

«Повести Белкина»

Из пяти «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» только в «Гробовщике» ничего не говорится о гусарах или гусарстве. Еще в одной («Барышня-крестянка») лексема «гусар» употребляется лишь однажды¹⁸⁰. В «Выстреле» же, «Метели» и «Станционном смотрителе» гусары представлены среди главных героев – Сильвио, Граф Б., Бурмин и Минский.

Уже в первой повести («Выстрел») дана бесспорная ссылка на творчество Дениса Давыдова. Это, как представляется, позволяет рассматривать и остальные тексты «повестей» в соотнесении с традицией гусарской песни.

«Выстрел»

Говоря о герое «Выстрела» Сильвио, исследователи «Повестей Белкина» соотносят его с типом гусара лирики Давыдова. Так, Вольф Шмид, перечисляя прототипы Сильвио, наряду с героем-мстителем Бестужева-

¹⁸⁰ «Иван Петрович менее беспокоился об успехе своих намерений. В тот же вечер призвал он сына в свой кабинет, закурил трубку, и немного помолчав, сказал: "Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает!" - "Нет, батюшка", отвечал почтительно Алексей, "я вижу, что вам не угодно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться". - "Хорошо" отвечал Иван Петрович, "вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить... тотчас... в статскую службу; а покаместь намерен я тебя женить"» - Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.116.

Марлинского и герцогом де Сильва называет и «закаленного в пьянстве гусара Дениса Давыдова»¹⁸¹.

В повести «Выстрел» ссылка отсылка к давыдовской лирике возникает дважды. Первый раз в рассказе Сильвио: «я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым»¹⁸². Второй способ обращения к претексту менее явен, однако от этого не менее бесспорен: одним из эпиграфов к произведению оказывается фраза из рассказа А.А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке», который, в свою очередь, предваряет эпиграф из стихотворения Дениса Давыдова «Песня старого гусара». Таким образом, гусарская тема в тексте Пушкина дана в своей соотнесенности с лирической системой Давыдова, что позволяет нам рассматривать «Выстрел», учитывая мотивику гусарских песен.

В пушкинской повести можно наблюдать немалое количество мотивов, которые являются определяющими для лирики Давыдова. В самом начале текста заявлен мотив *гусара* (Сильвио был гусар) и связанные с ним мотивы: *домишка* Сильвио («бедная мазанка»¹⁸³), *тира* (у Сильвио «шампанское лилось рекой»¹⁸⁴), *товарища/друга* («я вас люблю»¹⁸⁵ говорит Сильвио герою-повествователю). Они именно заявлены, констатируются, подобно тому, как констатируются в лирике Давыдова. Однако в дальнейшем, по ходу сюжета, мотивы способны модифицироваться, развиваться, обогащаться смыслом или же уходить из сюжетного развития.

Такое кардинальное изменение претерпевают указанные мотивы в повести Пушкина. В рассказе Сильвио о своем гусарском прошлом появляются два особенно важных для гусарской лирики мотива – *пьянства* (Сильвио, как уже было упомянуто ранее, «перепил Бурцова») и *проказ*

¹⁸¹ Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб., 2013. С. 172 – 173.

¹⁸² Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.55.

¹⁸³ Там же. С. 51.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С.54.

(Сильвио «был первым буяном по армии»¹⁸⁶). Однако обращает на себя внимание, что ни пьянство, ни буянство не самоценны. Эти мотивы, в которых явлено поведение героя, характеризующие образ гусара в гусарской песне Давыдова, не характеризуют Сильвио, это поведение не оказывается органичным для героя. *Пьянство* и *проказы* подчинены другой страсти Сильвио – страсти первенствовать, преумножать славу. Не случайно для него важно именно перепить Бурцова (а не пировать с ним), быть первым буяном (а не просто гусаром-проказником).

«Характер мой вам известен: я **привык первенствовать**, но смолodu это **было во мне страстию** ... Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня, как на необходимое зло»¹⁸⁷.

Для героя Давыдова гусары – братья, они равны между собой, нет первых и последних. Ты гусар постольку, поскольку ты храбр на поле боя и на пиру, а большего и желать нельзя. Понятия иерархии, подчиненности (и формальной, и ментальной) чужды свободолюбивому «сотоварищу урагана» (113), они являются определяющими для «большого» мира ложных ценностей, которому противостоит весь мир давыдовской лирики. «Я» в этом смысле равняется «Мы»:

За тебя на черта рад, <я>
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К **нам** пожалуют назад. <мы> (76)
(«Песня»)

Итак, герой давыдовской песни никогда не оказывается выше своих товарищей – они братья и равны между собой. Следовательно, Сильвио предстает если и гусаром, то не тем, образ которого создал Давыдов и традиция гусарской песни.

Сильвио во многом напоминает собой реального повесу первой трети XIX века: он картежник и бретер («Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом»).

¹⁸⁶ Там же. С.55.

¹⁸⁷ Там же.

Далее в рассказе появляется граф, который характеризуется следующим образом:

«...вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились...»¹⁸⁸

Из приведенных характеристик особенно важной оказывается *веселость*. Мотив веселья сопутствует не Сильвио, а его сопернику. Несколько строк спустя Сильвио признается:

«Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, **не в пример были веселее: он шутил, а я злобствовал**»¹⁸⁹.

Обида Сильвио на способность графа комически воспринимать жизнь, обида на само веселье явно слышна в сцене второй дуэли героев:

«Скажите, правду ли муж говорит? — сказала она, обращаясь к грозному Сильвио, — правда ли, что вы оба **шутите?**» — «Он **всегда шутит**, графиня, — отвечал ей Сильвио, — однажды дал он мне **шутя** пощечину, **шутя** прострелил мне вот эту фуражку, **шутя** дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота **пошутить...**»¹⁹⁰

Как видно из данных примеров, Сильвио отрицательно воспринимает шутку и смех, для него «пошутить» оказывается синонимом слова «унизить» или даже «лишить жизни» (как в конце цитаты). Веселость и беззаботность графа контрастирует с завистью Сильвио. Комическое осознание жизни — одна из основных черт гусара лирики Давыдова. Поэтический воин-гусар борется со страхом смерти, эпикурейски побеждает смерть отрицанием ее бытийности и событийности. Эта победа возможна только при наличии веселья и бесшабашности «шалунов». Именно поэтому веселость героя — не просто его признак, а неотъемлемое свойство. Без нее нет давыдовского гусара, потому что без нее невозможно ежедневно с бесстрашием глядеть в глаза смерти.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С.61.

Итак, характеры Сильвио и графа Б. восходят к разным типам – поведенческому буянскому и поэтическому давыдовскому, соответственно.

Нельзя, однако, сказать, что герои следуют данным типам полностью – в рамках прозаического текста они получают новые черты, которые были несвойственны их «прототипам», а сталкиваясь в текстуальном пространстве, сближаются.

Сильвио, находясь в мире пушкинского творчества 1830-го года, и, шире, - космоса творчества Пушкина, предстает героем, возвышенным над страстью к бытовой и исторической славе. Его спор с графом Б. – это спор с роком, несправедливым к главному герою. Желание первенствовать в обществе офицеров перерастает в противостояние с судьбой – образуется конфликт иного уровня. В этом Сильвио уподобляется Сальери («Моцарт и Сальери»)¹⁹¹.

Граф Б., в свою очередь, не равен давыдовскому гусару – он человек «большого мира» («громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились»¹⁹²), он участвует в дуэли, что невозможно для лирического гусара. Кроме того, в конце повести граф перестает быть гусаром: в прозаическом тексте гусарство – временное состояние героя. Можно предположить, что сходство данного персонажа и давыдовского гусара достигается во многом с помощью неразработанности его образа – все, что мы знаем о его гусарской молодости и характере, дано в нескольких строках монолога Сильвио.

«Метель»

Мотив гусарства в повести «Метель» возникает еще до появления Бурмина:

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилиу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками.

¹⁹¹См. об этом подробнее в: Вацуро В.Э. «Моцарт и Сальери» в «Маскараде» Лермонтова // Русская литература. №1. Л., 1987. С.78-88.

¹⁹² Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.55.

Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему **прежнее время и гусарские проказы**¹⁹³.

Как видим, действия Владимира персонажами текста воспринимаются как «гусарские». Можно предположить, что мотив гусарства косвенно является и далее: одним из свидетелей на готовящейся свадьбе оказывается землемер Шмит, внешне представленный только с помощью «гусарской» атрибутивной характеристики («в усах и шпорах»¹⁹⁴).

Наличие гусарского поступка, свадьбы, имплицитно подразумевает явление главного деятеля, а именно гусара. В связи с этим не удивительно, что на уровне фабулы он действительно возникает, а «гусарская проказа» Владимира трансформируется в «гусарскую проказу» Бурмина.

Двадцатишестилетний гусарский полковник Бурмин — ветеран Отечественной войны 1812 года. В тексте он характеризуется следующим образом:

Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он **ужасным повесою**, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера¹⁹⁵.

Отметим, что Бурмин – боевой офицер. Когда он встречает церковь с готовой невестой, то находится на пути в Вильну в место дислокации своего полка. Следовательно, в начале 1812 года (напомним, начало повести приходится на конец 1811 года¹⁹⁶) Бурмин находится на западной границе Российской Империи, куда меньше чем через полгода вторгнется Наполеон¹⁹⁷.

¹⁹³ Там же. С.66.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С.71-72.

¹⁹⁶ «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**». - Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.63.

¹⁹⁷ Как известно, первая перестрелка русских и французских солдат произошла в июне 1812 года неподалеку от Ковно, что в 100 километрах от Вильно.

Возвращается с фронта герой с Георгиевским крестом – знаком боевой смелости – победителем Наполеона. В этом он уподобляется как биографическому Денису Давыдову, личному врагу Наполеона, так и лирическому герою гусарской песни Давыдова.

В.М. Маркович отмечает:

По деталям чисто «дамской» (в духе рассказчицы девицы К. И. Т.) характеристики молодого гусара — раненый, в двадцать шесть лет уже полковник, с Георгием в петлице и т. п. — читатель может догадаться, что перед ним человек незаурядной отваги. Непонятная для окружающих сдержанность Бурмина («Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою...» — VIII, 84) начинает характеризовать его как человека чести, когда открывается ее тайная причина — «непонятная, непростительная ветреность», сделавшая героя неведомо для всех женатым. Читатель вправе предполагать тут самоосуждение, которое заставляет этого человека навсегда отрезать себе путь к счастью.¹⁹⁸

Важным представляется указание на крайнюю отвагу героя. Бурмин, в противоположность Минскому («Станционный смотритель»), гусар-воин, обретающий свою «гусарскость» в битве. Его гусарство подтверждено храбростью в бою.

В каком же смысле Бурмин был повесой – подобно лирическому герою лирики Дениса Давыдова или же повесой-буяном? Если в тексте есть ответ на данный вопрос, то кроется он в сцене женитьбы гусара и Марьи Гавриловны. Это единственный фрагмент повести, в котором явлено ненормативное поведение, представлен «гусарский» поступок Бурмина.

Герой его описывает так:

«Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. «Слава богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти.

¹⁹⁸Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 76-77.

Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошел!»...

В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции¹⁹⁹.

Бурмин совершает опрометчивый, бесшабашный и странный поступок. Он не задумывается (едва ли имеет на это время) о будущем девушки, мужем которой станет. Однако он также не думает о собственной участи. Он наскоком штурмует эту ситуацию, как на поле брани летит в атаку – не обдумывая риски, повинувшись мгновенному порыву.

Важно отметить, что в поступке Бурмина нет злого умысла. Это удаль ради удали, проверка себя, а не демонстрация буянского поведения. Поступок не направлен на зрителя, не подразумевает активного отклика «аудитории», в отличие от буянских действий, смысл которых во многом заключается в демонстрации поступка.

Как отмечалось выше, гусар давыдовской лирики – герой золотого времени русской истории, в том числе и военной. Воспоминаниями об эпохе великих побед и славы русского оружия наполнена рассматриваемая повесть. В связи с этим обращение к традиции поэзии Дениса Давыдова и ее герою видится логичной.

Итак, Бурмин – герой высокий, он близок к идеальному гусару лирики Давыдова, однако все же не равен ему. Это расхождение обусловлено наличием фигуры повествователя, который дистанцирован от героя. Дистанция же между нарратором и персонажем создает возможность появления иронии («почти фривольно иронических интонаций»²⁰⁰ по словам В.М. Марковича) как по отношению к герою, так и к ситуации возвращения русской армии вообще:

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. <...>

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

¹⁹⁹Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.74.

²⁰⁰Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 78.

И в воздух чепчики бросали.²⁰¹

«Станционный смотритель»

Читатель «Станционного смотрителя» помнит, что Дуню у отца крадет гусар. Сразу отметим, что и в рассматриваемой повести (как и в «Метели») мотив гусарства непосредственно связан с мотивом любви.

Одним из важнейших мотивов произведения оказывается мотив употребления алкоголя, а именно пунша. Во время первого посещения станции рассказчик предлагает Самсону Вырину «стакан пуншу»²⁰². При повторном визите смотритель вновь не отказывается от пунша – повествователь надеется, что «пунш разрешит язык»²⁰³ старого его знакомца.

Рассказ Вырина часто прерывался слезами, которые «отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов»²⁰⁴. Можно предположить, что в данном случае представлена отсылка к лирике Дениса Давыдова, а именно к стихотворению «Бурцову. Призывание на пунш»:

На столе стоят ужасных

Пять стаканов пуншевых...(57)

Если в лирике поэта-гусара пять стаканов с пуншем (в которых сокрыт «небесный жар») необходимо выпить, чтобы доказать «что ты гусар», то в прозаическом мире «Станционного смотрителя» сдавшийся и спивающийся Самсон Вырин с легкостью «вытягивает» гусарскую меру алкоголя. Идеальный пир с идеальным алкоголем опрокидывается в прозу повести, в которой герой, употребляющий горячительные напитки в таком количестве, становится завсегдаем кабака, неминуемо спивается и умирает.

Отметим, что гусар Минский ром на протяжении повести не пьет, предпочитая ему вино: «...лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом»²⁰⁵.

²⁰¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.70-71.

²⁰² Там же. С.89.

²⁰³ Там же. С.90.

²⁰⁴ Там же. С.95.

²⁰⁵ Там же. С.91.

А после смерти Самсона Вырина в домике селится пивовар с женой. Кажется, не будет натяжкой заметить, что в данном случае происходит символическая смена напитков, маркирующая смену эпох, – поэтические в русской традиции гусарской песни «пунш» и «ром» сменяются сниженным, прозаическим пивом. Самсон погибает, уступая свое место простолюдину пивовару.

Минский во многом соответствует историческому образу буяна и повесы. Если Бурмин («Метель») совершает легкомысленный поступок, находясь под властью сиюминутного порыва, то гусар из «Станционного смотрителя» разрабатывает план и в течение нескольких дней строго ему следует. Он готов совершить вероломство, украсть дочь у отца, ради воплощения своей затеи – судьбы других людей его не занимают. Злонамеренность поступка отличает Минского от Бурмина, как отличает Сильвио от графа Б. («Выстрел»).

Важно отметить, что остальные герои видят в нем классического представителя «недавыдовского» гусарства, буянства. Когда Самсон Вырин сообщает Минскому, что сию же минуту не может дать тому лошадей, гусар «возвысил было голос и нагайку»²⁰⁶. Лекарь признается отцу Дуни, что «догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки»²⁰⁷. Станционный смотритель считает, что гуляке только и нужно, что потешиться с его дочерью. Минскому он говорит: «Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну»²⁰⁸; в общении с героем-повествователем утверждает: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил».²⁰⁹

В своем поступке Минский не видит ничего особенного, он откупается от Вырина, а позже выгоняет того силой. Оправдывается герой тем, что по-

²⁰⁶ Там же. С. 91. Помним, что повествователем в данном случае является Вырин – представлена его точка зрения.

²⁰⁷ Там же. С. 93.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. С. 95.

настоящему любит Дуню, а та влюблена в него и «отвыкла от прежнего своего состояния»²¹⁰.

Действительно, Минский любит Дуню, не оставляет ее «натешившись». Гусар способен к любви, как способны были и реальные повесы первой трети XIX века²¹¹. Обращает на себя внимание неоднозначное положение героини – в тексте не говорится, что она была женой Минского. С другой стороны, Минский все же обеспечивает Дуню, ей не приходится «мести улицу вместе с голью кабацкою»²¹², как предполагал ее отец.

Минский – герой «большого мира». Если Бурмин направлялся в Вильну в распоряжение полка, то Минский следует в Петербург²¹³. Живет гусар в довольно дорогом даже по Петербургским меркам Демутовом трактире, ездит на «щегольских дрожках»²¹⁴. О службе ротмистра вне Петербурга (кроме того, что он ехал из Смоленска, когда оказался на станции Самсона Вырина) в тексте повести не говорится.

Минский оказывается гусаром столичным, не служащим в отдаленных полках, не знающим ни гусарской сечи, ни пира, ни братства – «малый мир» гусарской лирики ему неизвестен. Он является тем, кого обличал лирический герой Давыдова в «Песне старого гусара»:

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова! (85)

²¹⁰ Там же. С.94.

²¹¹ Вспомнить хотя бы Толстого-Американца, который женился на цыганке и был ей верен.

²¹² Там же. С.95.

²¹³ «Из подорожной знал он [Вырин], что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург» - Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.5. М., 1960. С.93.

²¹⁴ Там же. С. 94.

Минский не «наездник на войне»(58), но один из жителей столицы, которых сатирически изображал Давыдов в «Современной песне». Быть может, именно поэтому наездником (метафорически) в тексте повести оказывается не он, а Дуня: «...Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как **наездница** на своем английском седле»²¹⁵.

Гусар повести не схож с героем лирики Давыдова, восходит к другому прототипу – историческому буяну. Однако нельзя сказать, что полностью соответствует и этому образу. Важно, что Минский не показан ни как бретер, ни как заядлый картежник – мотивы карт и дуэли, которые впоследствии будут сопровождать героя-гусара в русской прозе, отсутствуют в тексте.

Итак, в представленных в «Повестях Белкина» героях-гусарах остается генетическая память о типе («прототипе») – давыдовском идеальном (Граф Б., Бурмин) и буянском историческом (Сильвио, Минский). Попадая в мир пушкинской прозы, ни поэтический герой Давыдова, ни реальный повеса не могут остаться собой. Они меняются, отходя от своих первоисточников, и, функционируя в одном фикциональном пространстве, приближаются друг к другу.

Утопический поэтический герой Давыдова, погружаясь в мир «реалистической» прозы, теряет свою замкнутость, между ним и миром больше нет опосредующей инстанции. Он сближается с более «реалистичным» историческим повесой. Благодаря историческому типу *буяна* лирический герой переводится на язык прозы, однако в процессе этой межродовой литературной трансплантации постепенно теряет практически все свои конститутивные черты.

Преобразовывая гусара лирики Давыдова через посредство героя-буяна проза вырабатывает новый собственный денотат.

²¹⁵ Там же. С.95.

Если Пушкин создает прозу, лишенную определенности и наполненную «воздухом», который позволяет совершенно различные интерпретации одного и того же произведения, то литература натуральной школы определяет (и определяет) героя – гусар в ней уже теряет память о своем поэтическом прототипе, становясь «реалистичным» буяном.

Пушкин первый пишет прозу, в которой герои, восходящие к поэтическим гусарам давыдовской лирики, не оказываются лишними, инородными миру текста. «Повести Белкина» вводят гусарство в «высокую» прозу, открывая возможность авторам второй половины XIX века, в первую очередь Л.Н. Толстому, помещать героев-гусар в свои прозаические произведения.

Кроме «Повестей Белкина», герой-гусар встречается в «Капитанской дочке». Зурин сочетает в себе черты буяна и поэтического гусара: он, с одной стороны, нечестно, пользуясь неопытностью противника, обыгрывает Гринева на значительную сумму, с другой – предстает перед читателем гусаром-воином, сражающимся против бунтовщиков.

Г. Буянство и гусарство в «Семействе Холмских» Д.Н. Бегичева

В 1832 году Д. Н. Бегичев опубликовал свой первый роман «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». В 1838 и 1841 гг. произведение было дважды переиздано, что свидетельствует о большой его популярности.²¹⁶

Бегичев, сам бывший гусар²¹⁷, довольно часто создает образы гусар в своем романе. Наибольшая концентрация «гусарского» наблюдается в первых двух томах, где различные персонажи-гусары встречаются с одним из главных героев Чадским. Он влюблен в Софью Холмскую и считает своим

²¹⁶ А.И. Рейтблат отмечает, что для ситуации первой половины XIX века «бестселлером» можно назвать книгу, переизданную больше одного раза – Рейтблат А.И. Русские «бестселлеры» первой половины XIX века // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С.191-203

²¹⁷ Не можем не отметить интересный факт: Бегичев был женат на Александре Васильевне Давыдовой, младшей сестре Дениса Давыдова.

соперником молодого гусарского корнета Угарова²¹⁸. Угаров – мальчишка лет восемнадцати, шалун, повеса и «пьяница». Повествователь характеризует героя иронически, указывая на то, что Угаров пытается походить, с одной стороны, на гусара лирики Дениса Давыдова, с другой – на легендарных буянов. Так, «библиотека» молодого повесы состоит из «нескольких рукописных, известных гусарских стихов, как то: «В дымном поле, на биваке, и проч.»»²¹⁹, пары-тройки романов и пособий для офицеров.

В четвертой главе второго тома Чадский, ища Угарова, оказывается в доме своего бывшего подчиненного гусара Рубакина.

Предваряет главу эпиграф, состоящий из первых десяти строк стихотворения Давыдова «Гусарский пир»:

«Ну, скорее²²⁰: трубку дай,
Ставь бутылки перед нами,
Всех друзей сюда сзывай,
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих;
Чтобы до неба взлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись, и трепетали...»²²¹

В начале главы повествователь описывает Рубакина:

«...он так переменялся, состарился и потолстел, что его с трудом можно было узнать. Красный нос его, прыщики, багровый цвет лица, все, все показывало, что он с

²¹⁸ Который, как окажется, влюблен не в Софью Холмскую, а Софью Хлестову.

²¹⁹ Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. Ч.2 М., 1832. С.54.

²²⁰ Отметим неточности в передаче оригинала. Неподцензурное «ради Бога» в начале текста Бегичев меняет на «Ну, скорее»; «всех наездников сзывай» трансформируется в «всех друзей сюда сзывай» (3 стих); «чтоб до неба возлетел» становится «чтобы до неба взлетел» (7 стих). Если первый отход от оригинального текста объясняется невозможностью напечатать «нецензурное» выражение, то остальные представляются случайными неточностями. Можно предположить, что Бегичев либо переписывал стихотворение Давыдова в текст романа с рукописного списка (напомним, что первые гусарские послания Давыдова бытовали именно так), либо цитировал поэта по памяти.

²²¹ Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. Ч.2. М., 1832. С.62.

таким же усердием служил Вакху и ныне, как прежде. В особенности заметно было, что теперь он принес ему обильную жертву».²²²

Герой, живущий в прозаическом мире по поэтической гусарской модели, неминуемо опустится – на этом парадоксе акцентирует внимание повествователь.

Глава выстраивается по принципу прозаического представления поэтических гусарских формул, данных эпиграфом. Гусар Рубакин упрощает бывшего гусара Чадского выпить с ним, причем настаивает на гусарской мере питья – одного большого бокала шампанского явно недостаточно. Чадский отказывается, ссылаясь на то, что он «никогда не мог много пить»²²³, особенно теперь, после ранения²²⁴. Тогда Рубакин вспоминает, что Чадский, несмотря на обычную для того храбрость в бою, никогда не был «хорошим гусаром»²²⁵. Здесь Рубакин актуализирует поэтическую норму «гусарщины» Дениса Давыдова, о которой говорилось ранее: идеальный гусар лирики Давыдова – гусар только тогда, когда может сражаться как с врагом, так и с огромными объемами потребляемого алкоголя.

Отметим, однако, что и сам Рубакин уже не в состоянии выпивать гусарскую меру вина. Храбренько, сослуживец Рубакина и, как оказалось, бывший вахмистр Чадского, отмечает, что друг «гораздо стал слабее»²²⁶. Действительно, выпив еще наливки, тот «упал на пол, без чувств».²²⁷

Идеальный «вальгаллический» пир-бой, перенесенный в прозаический мир векторного времени, неминуемо уничтожает героя (как физически, так и нравственно). Это явно демонстрируется повествователем с помощью смены семантического наполнения мотива «быта». У Давыдова гусарский быт – быт

²²² Там же. С.63.

²²³ Там же. С.65.

²²⁴ Отметим, как в тексте ломается давыдовское единство пира-боя – здесь «бой» (рана, полученная на поле брани) мешает пиру (герою нельзя пить).

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. С.70.

²²⁷ Там же. С.73.

идеальный и экзотический, благодаря своему мнимому правдоподобию (фактическому описанию деталей) замкнутый на себе и никак не взаимодействующий с настоящим вещным миром. У Бегичева же – это быт «реалистический», потому что соотнесен с реальностью. Частью этого быта оказывается семья Рубакина. Жена и дети мешают гусару оставаться «поэтическим» гусаром, он же своим гусарским поведением делает их несчастными. Гусар бьет жену²²⁸, заставляет ее и детей на коленях умолять Чадского выпить с ним²²⁹.

Итак, герой, желающий жить по «кодексу гусара», описанному в поэзии Давыдова, в мире прозы и «реального» быта теряет свой человеческий облик, делает несчастным себя и других.

Тем не менее, Чадский – герой, которому сочувствует повествователь. Несмотря на низость и подлость описанного гусарского общества, именно на «гусарском пире» неожиданно возникает истинная поэзия:

«... С сими словами офицеры бросились и подняли Чадского на руки <...> Ура! Ура! и восклицания их слышны были в отдаленных избах. В Чадском все еще кипела гусарская кровь, и воспоминание о прежней, веселой жизни в кругу добрых товарищей не совсем еще исчезло. Он был тронут...»²³⁰

Отметим, что данная сцена прямо отсылает к эпиграфу: здесь есть и «ура», и взлеты героя на могучих руках гусар. Поэзия, даже погруженная в быт и прозу, присутствует в этой странной гусарской жизни.

Несмотря на сниженность героев, Бегичев, активно использующий «говорящие» фамилии, дает представленным в главе гусарам фамилии «положительные»: Рубакин и Храбренько²³¹. Кроме того, жилище Храбренько, куда отправляется Чадский после «пира», представлено (пускай и иронически) в соотнесенности с поэтическим гусарским миром:

²²⁸ «Жена Рубакина хотела было также убеждать мужа не принуждать Чадского. Но это посредничество до такой степени взбесило его, что он бросился бить ее» - Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. М., 1832. С73.

²²⁹ Там же. С.71.

²³⁰ Там же. С.66.

²³¹ Сравним с его же героями Угаровым и Удушьевым.

«По жилищу бывшего своего Вахмистра, Чадский видел, что хозяин также *не великий господин*²³²»²³³.

Итак, во втором томе «Семейства Холмских» Бегичев представляет прозаическую модификацию поэтического гусара. Это ни в коем случае не гусар-буян: он либо оказывается пародией и на поэтический гусарский, и на реальный буянский тип (Угаров), либо старается жить по канону и кодексу поэтического гусара, что в прозаическом мире, соотнесенном с реальностью, невозможно. Такой герой может быть только карикатурой на идеального гусара лирики Дениса Давыдова. Положительный же герой у Бегичева (Чадский), зная поэзию пира и боя, не желает соотноситься с поэтическим героем Давыдова.

Кроме героя-гусара, узнаваемого литературного типа, Бегичев вводит в произведение и героя-буяна.

В четвертой главе пятой части романа появляется один из многочисленных второстепенных персонажей Филипп Иванович Удушьев. Характеризуется он как классический буян. Данный герой наделен всеми возможными буянскими пороками – что неудивительно, ведь прототипом Удушьева был Ф.И. Толстой-Американец:

В Клубе встретился он [Аглаев], между прочим, с Филиппом Ивановичем Удушьевым, который славился прежде удалством своим и *молодечеством*, т. е. пивал мертвую чашу, играл наверное в карты, известен был своим буянством, имел множество дуэлей, готов был сделать всякому дерзость и оскорбление, сидел несколько раз в крепости, был сослан в дальний гарнизон, словом - имел все качества удалого Гвардейского Сержанта прошедшего столетия. Аглаев, в молодости своей, много слышал об Удушьеве: он был некогда героем молодых людей, и прежде повсюду рассказывали его подвиги, когда кому, и какую именно оказал он дерзость, кого прибил, кому наговорил грубостей, что в старое время называли остроумием и чему многие старались тогда подражать²³⁴.

²³² Выделение авторское и указывает на цитатную природу фразы – отсылка к стихотворению Давыдова «Бурцову. Призывание на пунш» («И хозяин, слава богу, / Не великий господин») (57)

²³³ Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. Ч.5. М., 1841. С.74.

²³⁴ Там же. С.87.

Удушьев игрок и, что важнее, шулер²³⁵, бретер и пьяница²³⁶. Он дерзок с начальством, готов оскорбить любого, чтобы упрочить славу буяна. Подвиги Удушьева позволяют молодым людям считать его героем.

Подобно пушкинскому Зарецкому²³⁷, Удушьев с возрастом немного усмиряется:

Но с годами, понемногу, Удушьев усмирится. Он кончил знаменитое поприще удайства своего, тем, что женился каким-то образом, и из всех похвальных качеств своих сохранил он только одно - продолжал часто напиваться до пьяна, однако ж не простою водкою и ромом, как то бывало в старину; притом же не везде и не со всяким, а пил у себя в доме, Шампанское, с избранными своими друзьями, или с теми, которых имел в виду завербовать в *друзья*, т. е. завлечь к себе в дом и обыграть наверное²³⁸.

Именно таким *другом* Удушьева оказывается наивный Аглаев. Коварный «буян в отставке» «завербовывает в друзья» Аглаева и обыгрывает (естественно, нечестно) того на семьдесят тысяч рублей. После этого Удушьев прекращает с другом всякое общение.

Итак, повествователь «Семейства Холмских» различает *гусар* и *буянов*. Бегичев помещает в прозаический текст героя, мыслящего по канону героя лирики Давыдова, и показывает, как тот деградирует в бытовом, прозаическом, «реальном» мире. Буян же органичен в мире прозы и быта; отказавшись от роли повесы, он продолжает жить в гармонии с этим миром.

²³⁵ «Играть наверное» значит шулерить.

²³⁶ В терминологии первой половины XIX века – человек, пьющий много и без меры, но при этом не обязательно опустившийся.

²³⁷ Напомним, у обоих героев один и тот же прототип.

²³⁸ Там же. С.87-88.

Заключение

В 1800 – 1820-х годах Денис Давыдов создает образ поэтического героя-гусара, вокруг фигуры которого складывается устойчивый комплекс мотивов. Мирообразующим среди них оказывается мотив *тура-боя*. В ситуации стилистической разделенности поэзии первой трети XIX века Давыдов вырабатывает собственную гусарскую стилистику, которая строится на приеме контраста, внесении в «высокую» поэзию стихии устной речи и категории комического, которое не умаляет героическое. Подобно другим «стилистическим школам», Давыдов вырабатывает словарь поэтизмов. Современные автору поэты, преимущественно в жанре дружеского послания, начинают пользоваться «гусарской» фразеологией, меняя, однако, образ героя-гусара: он уподобляется биографическому Денису Васильевичу Давыдову, становится гусаром-поэтом, а не воином-пьяницей²³⁹. Так центральный в исходной системе мотив *тура-боя* преобразуется в мотив *сражения-творчества*. Стилистику и мотивику гусарской лирики по-настоящему разрабатывает только Пушкин, создавший в итоге поэтической разработки «гусарства» стихотворение «Гусар», в котором отношение к давыдовскому претексту становится принципиально иным, чем оно было в предыдущей поэзии. В данном тексте Пушкин не использует мотивику и стилистику гусарской лирики, но предлагает «гусарскому» поэтическому методу путь эволюции – поэтический сказ, ролевой лирический монолог. Именно в таком виде «гусарское» входит во внежанровую лирику – в «Бородино» Лермонтова.

В начале 1820-х годов мотивы гусарской лирики и герой-гусар погружаются в новую для себя литературную форму – прозу. Первопроходцем здесь является Марлинский, который пытается переместить гусарский мотивный комплекс в рассказы «Вечер на бивуаке» и «Второй вечер на бивуаке». Автор помещает «гусарство» в мелодраматический сюжет, до неузнаваемости меняя героя-гусара. В последующем творчестве Марлинский не пытается создать прозаический эквивалент лирической

²³⁹ В давыдовском поэтическом смысле.

системы Давыдова, а «гусарское» в тексте преподносится иронически. Со сходной проблемой – невозможностью создания органичного гусарского мира в прозе – сталкивается Карлгоф, начинающий разработку темы в конце 1820-х годов. И в прозе Марлинского, и в прозе Карлгофа гусар теряет свою поэтичность (герой более не пребывает в мире поэзии, где слово замкнуто на самом себе), не приобретая никаких новых свойств, которые позволили бы ему погрузиться в мир прозы.

С этой задачей справляется только Пушкин. Он создает героев-гусар, которые совмещают в себе как черты поэтического героя Дениса Давыдова, так и характеристики реальных повес первой трети XIX века. Таким образом Пушкин добавляет новое измерение герою, который теперь колеблется между двумя прототипами, не совпадая полностью ни с одним. «Повести Белкина» смешивают два генетически различных мифа – наезднический литературный и культурно-исторический буянский, непосредственно соотнесенный с фактической реальностью – благодаря чему герой-гусар получает возможность погрузиться в «реалистический» прозаический контекст.

Поэтизм, входя в прозу, перестает выполнять функции, присущие ему в лирике первой трети XIX века. Поэтическое давыдовское слово здесь не воссоздает мир утопии, оно либо используется наряду с прозаизмами (Марлинский, Карлгоф), либо иронически обыгрывается (Марлинский, Бегичев), либо интертекстуально наполняет текст, создает возможность конструирования неисчерпаемого характера, романного героя²⁴⁰ («Повести Белкина» Пушкин).

В прозе, возникшей в следующем десятилетии XIX века, сложность и неопределенность характера героя-гусара разрушается: оставляя за собой поименование *гусар*, персонаж становится *героем-буяном*.

Закрепление за гусаром ненормативного поведения происходит в литературе натуральной школы, разрабатывающей новую типологию характера. Именно здесь поэтический герой-гусар окончательно

²⁴⁰ В терминологии М.М. Бахтина – Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т.3. Теория романа (1930-1961 гг.). М., 2012.

преобразуется в прозаический «реалистический» литературный тип, теряя практически все первоначальные признаки. Подтверждением данной мысли является творчество В.А. Соллогуба.

В.А. Грехнев выделяет основные жанры, в которых работал Соллогуб: повесть о художнике («История двух калаш»), светскую повесть («Сережа», «Медведь», «Большой свет», «Лев»), сатирическую повесть о нравах («Собачка», «Воспитанница», «Теменевская ярмарка») и синтез светской и сатирической повестей («Тарантас»)²⁴¹. Исследователь отмечает, что эволюция творчества Соллогуба выражалась в смене жанров²⁴².

Гусары у Соллогуба появляются в светских («Медведь», «Большой свет») и сатирических повестях («Воспитанница»). Гусар в творчестве Соллогуба – герой, принадлежащий к свету и воплощающий в себе пороки высшего общества. Наиболее колоритно гусар как тип представлен в повести «Воспитанница» (1846).

Одним из главных героев произведения является молодой гусар. Повествователь характеризует его так:

Между ремонтерами, прибывшими на теменевскую ярмарку, находился один армейский **корнет**, употреблявший всю жизнь на то, **чтоб заслужить завидную известность лихого, отчаянного гусара**. Тип **отчаянного гусара** в эпоху нашего рассказа, лет за двадцать назад, вероятно, памятен читателю. Отчаянный гусар должен **был выпивать страшное количество вина и рому**, должен был иметь **баснословные неоплатные долги**, **гарцевать** на сердитой лошади, **сидеть** часто **под арестом**, быть **счастливым в любви** и проводить время за **картами** и бутылками в обществе дам неопределенного сословия. С того времени тип этот начал изменяться. Люди поняли, что много пить значит не молодечество, а пьянство; жить чужими деньгами не молодечество, а плутовство; заниматься вечно разгульем тоже не молодечество, а распутство, губящее навеки и здоровье, и доброе имя.

Теменевский отчаянный гусар был вздорный парень, **ослепленный блеском своего мундира**, обрадованный, что мог вырваться на волю из-под матушкина крыла и **мучимый безграничным самолюбием**. Так как он **не имел никакого образования и чувствовал себя совершенно неспособным к чему-нибудь дельному**, то он **погрузился в молодечество**, хвастал своими пороками и всячески старался удивлять своим ухарским образом жизни²⁴³.

²⁴¹ В.А. Грехнев. Творчество В.А. Соллогуба в русской прозе конца 30-х – первой половины 40-х годов 19 века. Автореф. дисс. на соиск. степ. к.ф.н. Горький. 1967. С. 7.

²⁴² Там же.

²⁴³ Соллогуб В.А. Избранная проза. М., 1983. С.432.

Отчаянный гусар, представленный в данном отрывке, обладает всеми признаками буяна. Крайне важно отметить, что, в отличие от прозы Бегичева, здесь понятия «буян» и «гусар» полностью отождествляются, а тип, характеризующийся подобными чертами, называется «типом отчаянного гусара». Заметим, кроме того, использование давыдовской фразеологии в приведенном фрагменте: «хвастал своими пороками»²⁴⁴, «ухарское поведение»²⁴⁵.

Соллогуб работает не только с фразеологией лирики Дениса Давыдова, но и с образами, разрабатывавшимися в ней.

В тексте описана сцена пьянки офицеров:

В то время ремонтеры затеяли большой холостой обед в зале временного клуба. <... > Говорили с большим жаром о каурых и вороных, саврасых и буланых, половых и соловых, с отметинами и без отметин; спорили, горячились. **Шампанское буквально, лилось рекой** и не в одни ремонтерские утробы, но и **по скатерти и по полу**. Опорожненные бутылки бросались весьма ловко в угол комнаты, где **бились** с приятным звоном и в скором времени **образовали порядочную пирамиду**.

Раскрасневшийся гусар бился об заклад, что одним залпом выпьет целую бутылку шампанского, что, впрочем, исполнил весьма неудачно, **облившись весь вином**. Другие последовали его примеру с большим успехом. Шум сделался ужасный. **Все говорили вместе, не слушая друг друга**. Эконом, призванный для получения благодарности, тут же был употчеван до совершенного упоения²⁴⁶.

Важный для давыдовской системы гусарский пир оборачивается в данном отрывке банальной попойкой: герои обливаются спиртным, бутылки бьются, шампанское льется по скатерти и полу. Герои говорят, но не слышат друг друга. Как представляется, в данном случае высокий пир гусаров Давыдова, пир-симпосий, на котором восседают «председатели бесед»²⁴⁷, переосмысливается Соллогубом. В лирике Давыдова пир приравнивается к бою, они существуют вместе и только так²⁴⁸. Настоящий гусар обязан быть храбрым как на поле боя, так и в сражении против «стаканов пуншевых».

²⁴⁴ «О рыцарь! Идол усачей» / Гордись пороками своими» (100)

²⁴⁵ «Ухарский» - слово, маркированное как давыдовское. См. многочисленные послания Давыдову, в том числе, представленные в данной работе.

²⁴⁶ Соллогуб В.А. Избранная проза. М., 1983. С.434.

²⁴⁷ «Песня старого гусара»

²⁴⁸ Комическое в данном случае не снижает героического.

Таким образом, в тексте не просто представлен гусар-буян, но явлена, по-видимому, полемическая ориентация на традицию Давыдова²⁴⁹.

В рассматриваемом произведении герой-гусар не способен не только к бою, но и к дуэли. Он трус.

Утром отослал он к гусару двадцать четыре бутылки шампанского, но приказал объявить ему притом, что пить их с ним не будет, потому что кое-что узнал, и с нынешнего дня прекращает с ним всякое сношение. Гусар расхорохорился, вызвал майора стреляться через платок, выбрал шесть человек секундантов и изумил всех своей кровожадностью. Майор хладнокровно согласился на поединок. Но **поединок был отложен, по предложению же гусара**, до кончания ярмарки и, неизвестно по каким причинам, **никогда не состоялся...**²⁵⁰

Как видно, в «Воспитаннице» герой снижен не только относительно поэтического героя Дениса Давыдова, но и в сравнении с реальными буянами первой трети XIX века, которых можно было бы обвинить в чем угодно, но не в трусости.

История рецепции «гусарской» мотивики и тематики в прозе, однако, не оканчивается. Во второй половине XIX столетия ряд авторов (в первую очередь, И.С.Тургенев и Л.Н. Толстой) создают героев-гусар, характеры которых сочетают в себе и поэтического гусара Давыдова, и героя-буяна, учитывают модификацию этих характеров в прозе А.С. Пушкина и натуральной школы. Однако изучению дальнейшей трансформации мотивов гусарской лирики должна быть посвящена отдельная работа.

В процессе исследования преломления мотивов лирики в прозе мы столкнулись с проблемой несовпадения культурного и литературного *типов*. В результате работы было установлено, что образ *гусара-буяна* (гусара по номинации и бретера и картежника по натуре), известный современной

²⁴⁹ Представляется важным отметить этот факт. Подробное сопоставительное изучение творчества Соллогуба и Давыдова не предусматривается темой данного исследования.

²⁵⁰ Соллогуб В.А. Избранная проза. М., 1983. С.442.

культуре, был выработан в процессе создания героя-гусара в прозе, а не создан в лирике Дениса Давыдова.

Список использованной литературы

I

1. «Арзамас»: сборник. В 2-х кн. М., 1994.
2. Арапов П.Н. Летопись русского театра. СПб., 1861.
3. Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.
4. Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. СПб., 1885—1887.
5. Бегичев Д.Н., Семейство Холмских : Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, рус. дворян. Ч.1-6. М.,1833.
6. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: в 2т. Т.1. М., 1981.
7. Вигель Ф. Ф.. Воспоминания. М., 1864-1865.
8. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб., 1878-1896.
9. Давыдов Д.В. Сочинения. СПб., 1848.
10. Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1959.
11. Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1984.
12. Давыдов Д. В. Сочинения: В 3 т. СПб., 1893.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. М., 1999-...
14. Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991.
15. Карлгоф В.И. Повести и рассказы: в 2-х ч. СПб., 1832.
16. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 4 т. М.;Л., 1947.
17. Липранди И.П. Замечания на «Воспоминания» Ф.Ф. Вигеля. М., 1873.
18. Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. Кн.3. №10. С.225-262.
19. Новосильцева Т. Рассказы из прошлого // Русская старина 1878. №3. С. 538-540.
20. Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2. М., 1982.
21. Письма поэта-партизана Д.В.Давыдова к князю П.А.Вяземскому. Пг., 1917.
22. Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971.
23. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М;Л., 1937/1949.
24. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959-1962.

25. Сборник биографий кавалергардов. 1762-1801. СПб., 1904.
26. Соллогуб В.А. Избранная проза. М., 1983.
27. Стахович А.А. Ключки воспоминаний. М., 1904.
28. Ульянов И. Заметки // Русский архив. 1868. Стб. 1031-1038.
29. Штукенберг А.И. Из мемуаров // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С.358-370.

II

30. Reyfman I. Poets in the military // How Russia Learned to write (Literature and the Imperial Table of Ranks). P. 117 – 145.
31. Андроников И.Л. Лермонтов и Давыдов // Великая эстафета. М., 1975. С. 78-85.
32. Ахмедьяров К.К. Язык и стиль произведений Дениса Давыдова (стилистика писателя). Автореф. дисс.на соиск. ученой степ. к.ф.н. Алма-Ата, 1979.
33. Барский О.В. Из цикла «Пушкинские загадки»: «Евгений Онегин» // Литературно философский журнал «Топос» (интернет-издание): <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/iz-tsikla-pushkinskie-zagadki-evgenii-onegin> (дата обращения - 06.01.2016).
34. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т.3. Теория романа (1930-1961 гг.). М., 2012.
35. Бондаренко А.Ю. Денис Давыдов. М., 2012.
36. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М., 2016.
37. Вацуро В. Э. Рассказы о Денисе Давыдове // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб, 1994. С. 233–273.
38. Вацуро В.Э. «Моцарт и Сальери» в «Маскараде» Лермонтова // Русская литература. №1. Л., 1987.
39. Вацуро В.Э. В преддверии пушкинской поры // «Арзамас»: сборник. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1994. С. 5-27.

40. Вацуро В.Э. Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С. 7-41.
41. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
42. Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Т. 2. СПб., 1910.
43. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
44. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.
45. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 2014.
46. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999.
47. Гаспаров Б.М., Паперно И.А. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // Russian Romanticism Studies in the Poetic Codes. Stockholm. 1979. P.9-44.
48. Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.
49. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.
50. Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Давыдов Д. В. // Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 100-102.
51. Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994.
52. Грехнев. Творчество В.А. Соллогуба в русской прозе конца 30-х – первой половины 40-х годов 19 века. Автореф. дисс. на соиск. степ. к.ф.н. Горький. 1967.
53. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
54. Жерве В.В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности, 1784-1839 по материалам семейного архива и другим источникам. СПб., 1913.
55. Иванов С. В. Поэт-воин // Давыдов Д. Стихотворения и статьи. М., 1942. С. 3–11.
56. Ильин-Томич А. А. Поэзия жизни и жизнь поэзии // Давыдов Д. Избранное. М., 1984. С. 7-25.

57. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992.
58. Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
59. Литературное наследство. Т.91. Русско-английские литературные связи (XVIII -- первая половина XIX века). М., 1982.
60. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) //Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25-74.
61. Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2015.
62. Лотман Ю.М. Поэзия 1790-х – 1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С. 5-62.
63. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2016.
64. Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988.
65. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008.
66. Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С.63-89.
67. Маркович В.М. Трансформации русской лирики в первые десятилетия XIX века // Русская литература. №2. 2015. С. 5-28.
68. Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, Ч. II. СПб., 1902.
69. Михайлов О.Н. «Бивачных повестей рассказ» // Давыдов Д.В. «Я не поэт, я – партизан, казак...»: Сочинения в стихах и прозе. М., 2012. С. 5-15.
70. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
71. Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962.
72. Орлов В.Н. Денис Давыдов // История русской литературы: В 10 т. Т.6.

73. Осипов А. А. Денис Васильевич Давыдов. 1784—1839 гг. (Опыт литературной характеристики) // Исторический вестник. 1890. Т. 41. № 7. С.71-93.
74. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 2010.
75. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского Просвещения: дис. док. филол. наук. Екатеринбург. 2010.
76. Рассадин С.Б. Партизан (Поэзия Дениса Давыдова) // Вопр. лит. 1981. № 6. С. 111–147.
77. Ратников К.В. Крымская война и русская поэзия. // Вестник Челябинского государственного университета. №2. Т.2. 1999.
78. Реалии и легенды Отечественной Войны 1812 года. Сборник научных статей. Спб.-Тверь, 2012.
79. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
80. Розанов И.Н., Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца. М., 1914.
81. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970..
82. Сердюкова О.И. Творческий путь Д.В. Давыдова – лирика: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1983.
83. Серебряков Г.В. Денис Давыдов. М., 1985.
84. Сигалова Е.В. Мифы и реальность. Пространство и время. Вып. 4. М., 2012. С. 202-210.
85. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004.
86. Скибин С.М. Поэты-преображенцы и Денис Давыдов (Жанрово-стилевое своеобразие «гусарской» поэзии): Автореф. дисс.на соиск. ученой степ. д.ф.н. М., 1995.
87. Скибин С.М. Художественное своеобразие «гусарской поэзии» / конец XVIII- начало XIX вв. / М., 1994.

88. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив. Т. 7. М., 1996. С.374-375.
89. Словарь языка Пушкина : В 4 т. Т. 1. М., 1956.
90. Телицын В.Л. Записки умершего: Об Иване Петровиче Липранди. М., 2009.
91. Толстой С.Л. Федор Толстой Американец Л., 1990.
92. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1931.
93. Филин М.Д. Толстой-Американец. М., 2010.
94. Шик А. Денис Давыдов: «Любовник брани» и поэт. Париж, 1951.
95. Шкловский Б.В. О теории прозы. М., 1929.
96. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб., 2013.
97. Эйдельман Н.Я. «Где и что Липранди» // Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979.
98. Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 2004.
99. Эйхенбаум Б.М. От военной оды к «гусарской песне» // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., 1969. С. 148-169.
100. Юхнова И.С. Денис Давыдов: мифотворец и разрушитель мифов // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас; Н.Новгород, 2015. С. 255–259.